ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

12

ДЕКАБРЬ. 1957 DECEMBER

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово, во второй день праздника Рождества Христова 1931 г. приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Пѣснь трехъ царей. Стихотвореніе. М. В. 5
Рождество Христово. 25 декабря 1856 г.. Двадцать пятое декабря. Ранняя обѣдня. 6
(Извлечено изъ книги «Праздники Господни» К. П. Побѣдоносцева).
Съ нами Богъ. Стихотвореніе М. В. 12
Рождество Христово. Стихотвореніе Маріи Либхольцъ. 12
Рождественскіе обычаи инославныхъ. А. Бедрина. 13
Ясли Виѳлеема. Стихотвореніе Анны Самойловичъ. 19

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе и чудеса преподобнаго отца Саввы. 20
Житіе иже во святыхъ отца нашего Амвросія, епископа Медіоланскаго (Миланскаго). 24
Житіе иже во святыхъ отца нашего Петра, митр. Кіевскаго и всея Россіи. 25

Училище благочестія.

Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова.
Кладбище. 33
Голосъ изъ вѣчности. 34

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ

«Новые Мученики Россійскіе».

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Протопресвитера М. Польскаго.

Въ книгѣ 350 страницъ и много иллюстрацій. Въ ней помѣщены житія и страданія: Епископата, Духовенства, и мірянъ замученныхъ большевиками. Кромѣ того помѣщены дополненія и исправленія къ первому тому.

Цѣна книги 2. 75 долл.

На книжномъ складѣ есть еще небольшое количество ПЕРВАГО ТОМА, 300 стр. 1949 г. Цѣна 2. 00 доллара.

СЛОВО,

во второй день праздника Рождества Христова 1931 г.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

Въ краткомъ повѣствованіи Евангелія о Рождествѣ Христовомъ выдѣляются два событія, поклоненіе Родившемуся Христу Виѳлеемскихъ пастуховъ, и поклоненіе ученыхъ волхвовъ, пришедшихъ изъ далекой страны.

Волхвы, увидѣвши особенную звѣзду, возвѣстившую имъ о Рождествѣ Христовомъ, отправились въ далекое путешествіе и поклонились Родившемуся Христу, а пастухамъ Ангелъ возвѣ-

стилъ о Рождествѣ Христовомъ и они немедленно, въ ту же ночь, пошли въ Виѳлеемъ и поклонились Божественному Младенцу.

Что побудило волхвовъ и пастуховъ оставить обычныя дѣла и идти поклоняться Младенцу? — Вѣра, что Этотъ Младенецъ есть Тотъ Кого всѣ ожидали. Народъ Божій, къ которому принадлежали пастухи, ожидалъ пришествія Христа-Мессіи, а волхвы-язычники ожидали явленія великаго царя. Вотъ увѣренность въ неложность своихъ ожиданій и подвигъ какъ волхвовъ, такъ и пастуховъ идти поклониться Младенцу-Христу, лишь только имъ дано было знаменіе, что Христосъ родился.

Вѣсть о Рождествѣ Христовомъ достигла и насъ: настоящій праздникъ и есть эта вѣсть. И мы, когда наступаетъ праздникъ Рождества Христова, идемъ въ церковь, поклоняемся предъ иконой Рождества Христова и славимъ Христа. Волхвы и пастухи ждали Рожденія Христа и потому, когда получили вѣсть о Его Рождествѣ, пошли поклониться Ему, а мы знаемъ, что Христосъ-Спаситель нашъ родился, и потому при наступленіи праздника славимъ Христа и поклоняемся Ему.

Волхвы и пастухи, поклонившись Младенцу-Христу, возвратились къ себѣ съ сознаніемъ, что наступаетъ что то новое, ибо явленіе Христа, какъ они вѣровали, должно принести спасеніе людямъ. Дождавшись рожденія Христа, они стали ожидать того, что Онъ совершитъ. А для насъ въ томъ, что мы каждый годъ празднуемъ Рождество Христово, есть ли что новое? — Конечно, вѣсть о Рождествѣ Христовомъ, какъ вѣсть, для насъ не новое, но наше поклоненіе Христу въ праздникъ рождества Его каждый годъ должно быть новое.

Возрастая тѣлесно, человѣкъ дѣлается все болѣе и болѣе совершеннымъ въ своихъ дѣлахъ и сужденіяхъ. Въ младенчествѣ онъ по-младенчески говоритъ и дѣйствуетъ. Въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ онъ говоритъ и дѣйствуетъ уже съ сознаніемъ и опытомъ, какіе пріобрѣлъ. А когда достигаетъ старости, то многое изъ того что дѣлалъ и говорилъ въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ, считаетъ дѣтскимъ лепетомъ. Такъ должны мы возрастать и духовно, т. е. все болѣе и болѣе совершенствоваться въ духовныхъ дарованіяхъ, какія пріобрѣтаются чрезъ богообщеніе. Вотъ въ этомъ смыслѣ наше поклоненіе Христу въ праздникъ Рождества Его каждый годъ должно быть новымъ.

Обычное явленіе. Когда человѣкъ принимается за какое нибудь дѣло, не обдумавши, не подготовившись къ нему — терпитъ неудачу, а если приступаетъ къ дѣлу съ вниманіемъ и съ тщательной подготовкой, то бываетъ успѣхъ. Такъ и въ дѣлѣ духовнаго возрастанія. Оно съ успѣхомъ совершается, когда человѣкъ съ вѣрою и послушаніемъ соблюдаетъ установленные Церковью праздники

и посты и живетъ общею съ Церковью жизнью: тогда каждый праздникъ является для него подготовкой къ слѣдующему празднику, а весь годичный кругъ праздниковъ, внимательно соблюденный, является уже опытомъ для болѣе совершеннаго и разумнаго празднованія тѣхъ же праздниковъ въ слѣдующемъ году.

Вотъ нынѣ мы празднуемъ Рождество Христово. Черезъ нѣсколько дней, Богъ дастъ, будемъ праздновать Крещеніе Господне. Евангельскія чтенія и церковныя пѣснопѣнія будутъ намъ напоминать проповѣдь Св. Іоанна Крестителя о покаяніи, а потомъ наступитъ и время покаянія — Великій постъ. Затѣмъ отпразднуемъ, Богъ дастъ, и Пасху. Никто не скажетъ вѣдь: я въ прошломъ году праздновалъ Пасху и потому въ этомъ году праздновать не буду. Напротивъ, всѣ ждутъ пасхальной радости, какъ новой — каждый годъ.

Дай Богъ, чтобы не только дни праздника Рождества Христова и Пасхи обновили въ насъ духовную радость, но чтобы и каждый день нашей жизни приносилъ намъ духовное обновленіе.

ПѢСНЯ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ.

Въ небѣ тихо вѣютъ ангельскія крылья . . . . .
Плавно на востокъ плыветъ, плыветъ Звѣзда.
Свѣтлый путь ведетъ насъ въ Виѳлеемъ, туда . . .
О, какъ тихо вѣютъ ангельскія крылья.

Слышны звуки неба . . . . . Слышны пѣснопѣнья.
Радостные звуки ангельской трубы.
Видите, цари и Божіи рабы,
Видите, въ дали туманной, просвѣтленье?

Тамъ — Божественный Младенецъ, нашъ Спаситель,
Тотъ, Кого мы ждали долгіе года.
О, цари! Вонъ стала Божія звѣзда,
Привела насъ грѣшныхъ въ Божію обитель!

Пой земля, Владыку неба славословъ!
Онъ за насъ прольетъ Божественную кровь!
Принесемъ Младенцу и Царю вселенной
Золото и смирну, ладанъ драгоцѣнный, —
И смиренныхъ душъ смиренную любовь.

М. В.

Рождество Христово.

25 ДЕКАБРЯ 1856. *)

Никогда такъ сильно не ощущаются въ душѣ моей впечатлѣнія дѣтства, никогда такъ явственно не переносится воображеніе въ отдаленное, цвѣтущее время моей молодости, какъ въ дни великихъ праздниковъ Рождества Христова и святой Пасхи. Это праздники по преимуществу дѣтскіе, и на нихъ какъ будто исполняется сила словъ Христовыхъ: *аще не будете яко дѣти, не имате внити въ царствіе Божіе.* Прочіе праздники не столь доступны дѣтскому разумѣнію, и любезны для дѣтей болѣе по внѣшней обстановкѣ, нежели по внутреннему значенію. Такова наприм. Пятидесятница.

Однакоже и изъ двухъ названныхъ большихъ праздниковъ — дитя скорѣе пойметъ и приметъ простымъ чувствомъ Рождество Христово. Какъ счастливъ ребенокъ, которому удавалось слышать отъ благочестивой матери простые разказы о Рождествѣ Христа Спасителя! Какъ счастлива и мать, которая, разсказывая святую и трогательную повѣсть, встрѣчала живое любопытство и сочувствіе въ своемъ ребенкѣ, и сама слышала отъ него вопросы, въ коихъ дѣтская фантазія такъ любитъ разыгрываться, и, вдохновляясь этими вопросами, спѣшила передавать своему дитяти собственное благочестивое чувство. Для дѣтскаго ума и для дѣтскаго воображенія какъ много привлекательнаго въ этомъ разсказѣ. Тихая ночь надъ полями палестинскими — уединенный вертепъ — ясли, обставленныя тѣми домашними животными, которыя знакомы ребенку по первымъ впечатлѣніямъ памяти, — въ ясляхъ повитый Младенецъ и надъ Нимъ кроткая, любящая мать съ задумчивымъ взоромъ и съ ясною улыбкою материнскаго счастья — три великолѣпныхъ царя, идущихъ за звѣздою къ убогому вертепу съ дарами — и вдали на полѣ пастухи посреди своего стада, внимающіе радостной вѣсти Ангела и таинственному хору силъ небесныхъ. Потомъ злодѣй Иродъ, преслѣдующій невиннаго Младенца; избіеніе владенцевъ въ Виѳлеемѣ — потомъ путешествіе святаго семейства въ Египетъ — сколько во всемъ этомъ жизни и дѣйствія, сколько интереса для ребенка! Старая и никогда не старѣющая повѣсть! Какъ она была привлекательна для дѣтскаго слуха, и какъ скоро сживалось съ нею дѣтское понятіе! Оттого-то, лишь только приведешь себѣ на память эту простую повѣсть, воскресаетъ въ душѣ цѣлый міръ, воскресаетъ все давнопрошедшее дѣтство съ его обстановкою, со всѣми лицами, окружавшими его, со всѣми радостями его, возвращается въ душу то же таинственное ожиданіе чего-то, которое всегда бывало передъ праздникомъ. Что было бы съ нами, еслибъ не было въ жизни такихъ минутъ дѣтскаго восторга!

---

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

Таковъ вечеръ предъ Рождествомъ: вернулся я отъ всенощной и сижу дома въ такой-же комнатѣ, въ которой прошло все мое дѣтство; на томъ-же мѣстѣ, гдѣ стояла колыбель моя, потомъ моя дѣтская постелька, —стоитъ теперь мое кресло передъ письменнымъ столомъ. Вотъ окно, у котораго сиживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда какъ спать не хотѣлось, потому что въ душѣ было волненье — ожиданье чего-то радостнаго, чего-то торжественнаго на утро. То не было ожиданіе подарковъ — нѣтъ, — чуялось душѣ точно, что завтра будетъ день необыкновенный, свѣтлый, радостный, и что-то великое совершаться будетъ. Бывало, ляжешь, а колоколъ разбудитъ тебя передъ заутреней, и няня, вставшая, чтобы идти въ церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобъ заснулъ.

Боже! это же ожиданіе дѣтскихъ дней ощущаю я въ себѣ и теперь... Какъ все во мнѣ тихо, какъ все во мнѣ торжественно! Какъ все во мнѣ дышетъ чувствомъ прежнихъ лѣтъ, — и съ какою духовною алчностью ожидаю торжественнаго утра. Это чувство — драгоцѣннѣйшій даръ неба, посылаемый среди мірскаго шума и суеты взрослымъ людямъ, чтобъ они живо вспомнили то время, когда были дѣтьми, слѣдовательно были ближе къ Богу и непосредственнѣе чѣмъ когда-либо принимали отъ Него жизнь, свѣтъ, день, пищу, радость, любовь — и все, чѣмъ красенъ для человѣка міръ Божій.

Но это ожиданье — радости великой и великаго торжества на утріе — у ребенка никогда не обманывалось. У ребенка минута ожиданья такъ сливалась съ минутою наслажденія и удовлетворенья, что не было возможности уловить переходъ или середину. Ребенокъ просыпался утромъ — и непремѣнно находитъ то, о чемъ думалъ вечеромъ, встрѣчалъ на яву то, о чемъ говорили ему дѣтскіе силы: существенность для ребенка — не то же ли, что сонъ; сонъ его не то же ли, что существенность? Ребенокъ утромъ просыпался окуженный тѣми-же благами жизни дѣтской, которыя безсознательно принималъ каждый день, — только, освѣщенныя праздничнымъ свѣтомъ, лица, его окружавшія, были вдвое веселѣе, ласки живѣе, игры одушевленнѣе. Чего-же болѣе для ребенка? Ребенокъ не жалѣлъ на утро о томъ, чего ожидалъ вечеромъ: какъ было безсознательно вчерашнее ожиданье, такъ и утреннее наслажденье было безсознательно: не было мѣсто рефлексіи, анализу и сравненію. Вчерашняя мечта была такъ похожа на нынѣшнюю дѣйствительность; нынѣшняя дѣйствительность такъ соотвѣтствовала вчерашней мечтѣ, что мечту нельзя было назвать мечтою и дѣйствительность не нужно было противуполагать ей.

Не всегда такъ бываетъ со взрослымъ; — но жаль того, у кого радостное ожиданіе праздника при наступленіи праздничнаго утра замѣняется горькимъ чувствомъ пустоты и разочарованія! "Всякой вещи время подъ небесемъ". Дѣтство проходитъ, и взрослый человѣкъ не можетъ жить такъ, какъ жилъ ребенокъ. Для того чтобы сохранить въ себѣ способность къ живой, полной и чистой праздничной радости, взрослый человѣкъ не

можетъ довольствоваться тѣмъ непосредственнымъ ощущеніемъ, которое свойственно ребенку: какъ смотрѣлъ на міръ свой ребенокъ, такъ не можетъ взрослый человѣкъ смотрѣть на свой міръ: съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ рости и приходить въ сознаніе, въ душѣ его образовался свой міръ, сложившійся въ немъ частію безсознательно, частію сознательно, — міръ обширный какъ вселенная, міръ безпредѣльный какъ вѣчность! Что положилъ туда человѣкъ, то и вынесетъ оттуда.

И если впечатлѣнія своей юности положилъ онъ туда какъ старую вещь, не назначивъ ей мѣста, не уразумѣвъ ея значенья, не связавъ ее мыслью и духомъ со всѣмъ остальнымъ запасомъ, собраннымъ по житейской дорогѣ, — эти впечатлѣнія будутъ служить ему только блестящею игрушкой, которую можно вынуть на время для потѣхи, но которую надо будетъ потомъ отложить въ сторону съ грустью или съ насмѣшкой. Что толку въ одной игрушкѣ для взрослаго человѣка?

Но если въ этихъ впечатлѣніяхъ своего дѣтства удалось человѣку уловить таинственный смыслъ жизни и вѣчности, если отъ нихъ на всю жизнь до послѣдней земной черты ея свѣтитъ ему свѣтъ любви и истины, если въ воспоминаніяхъ дѣтства сердце его бьется тѣмъ-же радостнымъ біеніемъ, какое ощущаетъ и за предѣлами дѣтства во всякомъ стремленіи къ добру, красотѣ и истинѣ, если въ самыхъ лучшихъ и самыхъ сильныхъ порывахъ души своей взрослый человѣкъ узнаетъ то же чувство, которое безсознательно зарождалось въ душѣ въ ранній періодъ ея жизни, — въ такомъ случаѣ воспоминанія дѣтской радости никогда не покажутся ему одною игривою мечтою. Тогда не обманетъ человѣка и праздничное утро — въ томъ счастливомъ ожиданіи, которое онъ ощущалъ вечеромъ. И если вечеромъ сіяла на немъ заря счастливаго дѣтства, то утро озаритъ его тихимъ свѣтомъ восхода солнечнаго и разольетъ въ душѣ его миръ, любовь и надежду. Если прежде, въ дни Рождества Христова былъ онъ ребенкомъ, внимательно слушавшимъ и безсознательно сохранившимъ святую повѣсть о Божественномъ Младенцѣ въ ясляхъ, — то теперь, просвѣтленное сознаніемъ, укрѣпленное вѣрою, согрѣтое любовью, — еще живѣе возродится въ немъ дѣтское чувство, и снова ощутивъ себя младенцемъ, обратится онъ всѣмъ сердцемъ — къ уединенному вертепу, къ Младенцу, лежащему въ ясляхъ — младенчески приникнуть къ нимъ, и младенческимъ взоромъ и сердцемъ, младенческими устами, воскликнуть къ Младенцу Христу, какъ нѣкогда восклицалъ къ Богу младенецъ Самуилъ: *се азъ, Господи*!

О, великая таинственная ночь! О, свѣтлое, торжественное утро! Если забуду тебя, если останусь равнодушенъ къ тебѣ, если перестану слышать тѣ *рѣчи и словеса*, коихъ *гласы* слышатся въ тебѣ всякой душѣ вѣрующей, — стало быть я забуду свое дѣтство, свою жизнь и самую вѣчность... ибо что иное вѣчность блаженная, какъ не вѣчная радость младенца предъ лицемъ Божіимъ!

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ.

Въ каѳедральномъ соборѣ столичнаго города одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ — обѣдня въ день Рождества Христова, и послѣ нея извѣстное, родное каждой православной русской душѣ благодарственное молебствіе, по случаю нашествія на Москву и на Россію Галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Какое торжество изъ всѣхъ общественныхъ собраній можетъ сравниться съ этимъ торжествомъ въ величіи, въ истинѣ и сосредоточенности чувства, проникающаго всѣхъ и каждаго, объединяющаго въ себѣ два великія, два господственныя ощущенія человѣческой природы — религіозное и національное? Поистинѣ міръ самыхъ возвышенныхъ явленій искуства и науки не можетъ представить ничего подобнаго. Вся эта сплошная, громадная масса головъ — слилась какъ будто воедино, и живетъ одною жизнью праздничнаго, торжественнаго настроенія, и изъ груди ея льется единая пѣснь Родившемуся Христу, Спасителю вѣрующей Россіи.

Идетъ литургія — гремитъ съ клироса могущественное, гармоническое пѣніе — старый и младый (ибо родители приводятъ и приносятъ сюда, не страшась давки, и малыхъ дѣтей своихъ), самый знатный и самый простой человѣкъ стоятъ рядомъ — въ простомъ, безсознательномъ, и тѣмъ болѣе драгоцѣнномъ состояніи общаго равенства передъ Богомъ, и *празднуютъ* Богу въ молитвѣ.

Но вотъ, кончилась литургія.

Изъ алтаря выходитъ процессія, направляясь къ возвышенію посреди храма. На помостъ становится весь соборъ пребывающихъ въ столицѣ іерарховъ, и посреди ихъ есть старѣйшіе, убѣленные сѣдинами, — живые свидѣтели или участники многихъ великихъ событій въ Церкви, иной современникъ, хотя по дѣтству своему — съ великою эпохою освобожденія Россіи въ 1812 году. Начинается служба, великая служба, составленная художникомъ церковной рѣчи, коей каждое слово отдается въ Русскомъ сердцѣ, начиная съ громогласнаго *"Съ нами Богъ"*. Русскіе люди съ трепетомъ ждутъ, послѣ Рождественскихъ пѣсенъ, когда загремитъ "Всемірная слава" съ ея могущимъ "Дерзайте, людіе Божіи", — когда раздадутся знакомыя слова пророчества о гордомъ завоевателѣ, раздражавшемъ землю, потрясавшемъ царей, положившемъ вселенную всю пусту, — слова Апостола Павла о герояхъ народной брани, побѣдившихъ враговъ вѣрою, — слова Евангелія о тяжкихъ временахъ, когда возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство. Діаконъ возглашаетъ умилительныя прошенія сугубой ектеніи, съ благодареніемъ и исповѣданіемъ Богу, что не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, но въ годину искушенія, пришедшую на всю вселенную, избавилъ насъ, и внегда обышедше обыдоша насъ враги наши, явилъ намъ свое спасеніе, съ молитвою о упокоеніи душъ

вождей и воиновъ и всѣхъ ревнителей вѣры и правды, въ годину искушенія душу свою за братію положившихъ.

Наконецъ настаетъ самое торжественная минута богослуженія, когда, вслѣдъ за престарѣлымъ митрополитомъ, вся громада народа, наполняющая храмъ, какъ бы вся Церковь Россійская, преклоняетъ колѣна и слушаетъ въ глубокомъ молчаніи великую, подлинно великую заключительную молитву. И престарѣлый митрополитъ *), умѣющій какъ никто, произносить всенародныя молитвы, — произноситъ ее, какъ сказано въ уставѣ, "со всякимъ вниманіемъ и умиленіемъ, велегласно". Каждое слово молитвы слышится во всѣхъ углахъ храма.

Послушаемъ.

"Ты глаголалъ сынамъ Израилевымъ: — если не послушаютъ гласа Твоего хранить и творить всѣ заповѣди Твои, наведешь на нихъ языкъ безстуденъ лицемъ, да сокрушитъ ихъ во грѣхахъ ихъ... И мы вѣдали, что страшный глаголъ сей наступилъ на насъ и на отцовъ нашихъ! Но не убоявшись прещенія Твоего и вознерадивъ о Твоемъ милосердіи, оставили мы путь правды Твоей и ходили въ воляхъ сердецъ нашихъ, и не научились имѣть въ разумѣ и сердцѣ Тебя Бога разумовъ и сердецъ! И еще, — вмѣнивъ ни во что отеческое преданіе, прогнали мы Тебя ради чужихъ. И вотъ за то насъ, какъ древле сыновъ Израилевыхъ, объяло лютое обстояніе, и *тѣ самые, кого мы желали имѣть учителями себѣ и наставниками,* явились намъ буйными и звѣронравными врагами... Но Ты, Господи Боже, щедрый милостивый... на малое время оставивъ насъ, помиловалъ насъ веліею милостію!... Ты призрѣлъ на скорбь нашу и на потребленіе царствующаго града, въ коемъ отъ лѣтъ древнихъ призываемо было имя Твое, и на моленія наши... и далъ намъ хребетъ нечестивыхъ сопостатовъ... Даруй намъ, Господи, имѣть въ себѣ тверду и непрестанну память сего славнаго посѣщенія Твоего..."

Кто изъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, свидѣтелей незабвеннаго 1812 года, не проливалъ горячихъ слезъ при чтеніи этой великой, потрясающей русскую душу, молитвы! Но можемъ-ли и мы, сыны людей того вѣка, слышать ее равнодушно? Въ ней вопіетъ къ намъ вся исторія Русской земли, исторія бѣдствій и внезапныхъ радостей, тяжкихъ паденій и возстановленій отъ паденія, безначалія и внезапнаго воскрешенія власти, исторія, проникнутая непоколебимою вѣрою добраго народа въ Промыслъ Божій надъ нашимъ отечествомъ... И развѣ нынѣ, такъ же какъ въ ту пору, не носится надъ нами тотъ же страшный глаголъ, реченный нѣкогда сынамъ Израилевымъ и пришедшій на насъ и на отцовъ нашихъ? И развѣ нынѣ не готовы превратиться для насъ во враговъ буйныхъ и звѣронравныхъ тѣ самые, на кого мы смотримъ какъ на учителей и наставниковъ?

---

*) Митрополитъ Филаретъ.

Ранняя обѣдня.

Кончилась торжественная всенощная наканунѣ Рождества. Тихо и радостно на душѣ въ ожиданіи завтрашняго утра. Устали всѣ — но усталость какая-то отрадная. Раньше ложишься въ постель — какъ бы не проспать утро. Засыпаешь подъ носящіеся въ головѣ звуки пѣсни: "Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія свѣтъ разума".

Но проспать невозможно. "Спишь, а седце чуткое не спитъ", и носится предъ нимъ видъ ярко освѣщеннаго храма, и молящійся народъ, и широко разливающееся пѣніе. Трепетное ожиданіе — точно улыбка дитяти на встрѣчу издалека подходящей матери, — и никогда еще это ожиданіе не обманывалось.

Пришелъ часъ, и что-то будитъ, точно шепчетъ въ ухо: пора. Темно и тихо на улицѣ — рано, "прежде денницы". Снѣгъ хруститъ подъ ногами, морозъ щиплетъ лицо; мимо смутныя тѣни проходятъ туда же. Весело и бодро пробираешься къ церкви; всюду "ударяютъ" къ ранней обѣднѣ, и привычное ухо различаетъ звукъ каждаго колокола: вотъ у Николы, вотъ у Бориса и Глѣба, вотъ у Ѳеодора Студита, вотъ нашъ родной колоколъ. Входишь — церковь полна, и яркій свѣтъ льется во тьму изъ оконъ. Входятъ, крестятся — и вскорѣ — точно колосья въ снопѣ — сплотилась въ одно вся толпа народная. Рано поднялись они, и сколько въ числѣ ихъ такихъ, кому этотъ только ранній часъ можно урвать изъ своей непрерывной рабочей жизни — ради праздника Господня! Многіе собрались изъ темныхъ угловъ и тѣсныхъ жилищъ своихъ, отъ нужды и горькаго горя, отъ несносной работы. И вотъ, въ этомъ домѣ Господнемъ каждый чувствуетъ себя дома, на вольномъ мѣстѣ: въ этотъ ранній часъ всѣ властители первыхъ мѣстъ еще покоятся на ложахъ своихъ, уступая вольное мѣсто рабочему человѣку.

Стоятъ они сплошною стѣною, отъ входной двери до солеи, до самыхъ иконъ мѣстныхъ — стоятъ и крестятся и молятся. Храмъ сіяетъ огнями. Сборный хоръ на клиросахъ, изъ той же среды собранный, поетъ широкою праздничною пѣснью. Торжественные антифоны между ектеніями потокомъ выливаются изъ души, а тропарь праздника, на маломъ входѣ, точно широкая, многоводная рѣка, выноситъ душу на самое средоточіе радости. Православному человѣку отрадно — исчезать со своимъ *я* въ этой массѣ молящагося народа, которая сливается въ эти минуты въ единую празднующую предъ Богомъ душу, и волна народной вѣры и молитвы поднимаетъ высоко и молитву и вѣру у каждаго, кто, не мудрствуя лукаво, принесетъ съ собою въ церковь простоту вѣрующаго чувства. Тутъ почувствуетъ православный человѣкъ, что значитъ для него церковь, и какое хранилище вѣры — въ душѣ народной.

Кончилась обѣдня — народъ разошелся. Но еще не опустѣла церковь: по темнымъ угламъ, у лампадъ передъ иконами стоятъ еще люди и въ тишинѣ молятся. Видно, что имъ еще не хочется выйти изъ церкви, гдѣ такъ хорошо было, что трудно имъ оторваться отъ тишины и молитвы,

что больно имъ отъ праздничной радости возвращаться въ свой уголъ — гдѣ можетъ быть, ждетъ ихъ ежедневная нужда и горе, гдѣ обойметъ ихъ забота, или оглушитъ шумъ нестройнаго веселія.

На улицахъ брезжитъ свѣтъ. Въ окнахъ повсюду огни. Дома — все еще тихо, и человѣкъ, вернувшійся изъ церкви, приноситъ съ собою въ домъ свой *тихую радость*. — Неси ее, человѣкъ, бережно, какъ полный сосудъ на неровной дорогѣ, какъ горящій свѣтильникъ на вѣтреномъ полѣ, — покуда не разнесъ ее вѣтеръ всяческихъ ощущеній, покуда не заглушилъ шумъ всяческой молвы человѣческой! —

СЪ НАМИ БОГЪ.

Пусть страшно, смутно на землѣ,
Но такъ же ясны звѣзды ночи,
Рождественской, Священной ночи, —
И храмы свѣтятся во мглѣ.
Въ нашъ грѣшный міръ, въ нашъ скорбный міръ
Все такъ же ангелы слетаютъ
И синій воздухъ оглашаютъ
Созвучіемъ небесныхъ лиръ.
Богомладенца кроткій ликъ
Все такъ же свѣтитъ изъ пещеры.
Міръ, озаренный солнцемъ вѣры,
Къ Божественнымъ стопамъ приникъ.
Земля — подножье Божьихъ ногъ —
Его Священная обитель.
Онъ съ нами — Тихій Свѣтъ, Спаситель.
Онъ съ нами — Богъ, Предвѣчный Богъ.

М. В.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Не въ царскомъ дворцѣ, и не въ пышныхъ хоромахъ
Родился Творецъ всей вселенной.
Родился Онъ въ ясляхъ на твердой соломѣ,
Отъ Дѣвы Пречистой — Благословенной.
На небѣ Онъ престолъ оставилъ,
И ради насъ сошелъ съ небесъ;
Христосъ отъ смерти насъ избавилъ,
Свершилось чудо изъ чудесъ.
Должны мы всѣ Христа любить,
Всѣмъ сердцемъ, всей душою,
Его и славить и хвалить —
Онъ вѣрныхъ всѣхъ возьметъ съ Собою.

МАРІЯ ЛИБХОЛЬЦЪ.

Рождественскіе обычаи инославныхъ.

Въ каждой странѣ по своему встрѣчаютъ Рождество Христово, причемъ въ какой то мѣрѣ печать наложили древніе обычаи. Ниже читатель найдетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современныхъ рождественныхъ обычаяхъ.

Въ Швеціи, при приближеніи праздника, улицы украшаются елочными гирляндами, газеты пестрятъ рекламами, витрины магазиновъ являютъ чудесныя выставки. Въ каждой семьѣ идутъ приготовленія. Раньше онѣ были болѣе хлопотливы: каждая хозяйка варила пиво и формовала свѣчи. Рождественскій обѣдъ неизмѣнно содержитъ окорокъ, украшенный орнаментами изъ сахара и красными лентами. Нѣкогда къ 9 декабря заканчивалась варка пива, ко дню св. Анны, почему на старинныхъ изображеніяхъ святой она держитъ въ рукахъ кружку пива. Теперь и пиво и свѣчи покупаютъ, но особый напитокъ въ семьяхъ обычно готовится, а свѣчами наполняется домъ, причемъ большая рождественская свѣча должна на столѣ горѣть всю ночь. Въ каждой семьѣ есть свой «секретъ», передаваемый по наслѣдству, печенія праздничныхъ угощеній, въ частности традиціоннаго пряника «пепперакоръ», которому придается причудливая форма. На Сѣверѣ, гдѣ шесть мѣсяцевъ въ году царитъ мракъ, Рождество — праздникъ свѣта. Въ ночь съ 12 на 13 декабря Св. Лючія даетъ сигналъ. Какъ сиракузская мученица третьяго вѣка стала покровительницей рождественскихъ торжествъ въ Швеціи — тайна. Но каждый годъ она именно является символомъ свѣта. Все кажется спящимъ въ небольшомъ городѣ. Въ 4 часа утра небо совершенно темное, съ нѣсколькими звѣздами. Среди полнаго мрака можно замѣтить свѣтъ: это Св. Лючія, въ образѣ дѣвушки 16 - 17 лѣтъ, появляется въ сопровожденіи девяти подростковъ со звѣздами. Всѣ онѣ въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, надѣтыхъ поверхъ пальто и повязанныхъ красными поясами. На головахъ картонныя позолоченыя звѣзды. У дѣвочки на головѣ елочный вѣнокъ, на которомъ укрѣплены пять свѣчей. Въ рукахъ у нея освѣщенный свѣчами подносъ съ чашками и печеніемъ. За ней процессія ребятъ съ всяческимъ угощеніемъ, во главѣ съ огромнымъ кофейникомъ. У кого нибудь въ рукахъ звѣзда-фонарь. Отдѣльныя группы соединяются и постепенно образуется процессія, идущая съ пѣніемъ изъ дома въ домъ. Дѣти наканунѣ праздника ставятъ на порогѣ горшокъ съ кашей — и утромъ рядомъ съ нимъ, опустошеннымъ, находятъ игрушки, принесенныя добрымъ гномомъ Юльтамти. Стокгольмъ празднуетъ Рождество иначе! Св. Лючія объѣзжаетъ городъ на лошади, по улицамъ, декорированнымъ свѣтящимися гирляндами.

Въ Германіи господствуетъ традиціонная елка — древній обычай. Улицы пусты, магазины, рестораны закрыты. За трапезой оставляется свободное мѣсто — для одинокаго, бездомнаго. Нерѣдко первый встрѣчный приглашается къ рождественскому столу. Обычныя блюда — гусь, индѣйка, форель, особый праздничный хлѣбъ. Появляются особые рождественскіе персонажи, въ мантіяхъ на бѣличьемъ мѣху. У одного въ рукахъ прутъ для гадкихъ дѣтей, а за спиной мѣшокъ съ игрушками для хорошихъ. Роль

рождественскаго добраго дѣда слилась издавна съ личностью св. Николая, а потому уже 6 декабря нерѣдко начинается праздникъ, когда въ ночь дѣти выставляютъ ботинки за окно, чтобы найти ихъ на утро наполненными пряниками и сластями. Вѣнскіе кондитеры особенно прославились изображеніями изъ марципана и сухихъ фруктовъ праздничныхъ персонажей. Въ Австріи задолго готовятся къ празднику. Особая задача — устройство яслей, а также приготовленіе елочныхъ украшеній. Послѣ Николина дня начинается постъ, въ честь котораго устраивается вѣнокъ изъ елки, съ четырьмя свѣчами, по одной на каждую недѣлю поста. Бываетъ особый дешевый базаръ «Младенца Іисуса», гдѣ можно по дешевкѣ имѣть все нужное для праздника. Въ канунъ его все въ волненіи. Улицы переполнены, идутъ праздничныя покупки. Къ вечеру все пустѣетъ и глохнетъ — городъ кажется покинутымъ жителями. Рѣдкіе трамваи ходятъ пустыми. Въ окнахъ свѣтъ — мелькаютъ зажженныя елки. Передъ ночной службой оживляются улицы: съ фонарами, подъ снѣгомъ, идутъ всѣ въ церковь. А послѣ возвращенія — ужинъ, поздравленія, подарки у елки и ясель, хранимыхъ въ семьяхъ иногда отъ 16 вѣка.

Рождественскіе дни Англіи трогательно описаны Диккенсомъ. Главную роль играетъ Санта Клаусъ. Онъ наполняетъ чулки, выставленные у дѣтскихъ кроватей въ ночь на Рождество, подарками. Первый день Рождества всѣ дома, въ семьѣ. За столомъ традиціонный пуддингъ, украшенный традиціонной вѣткой. Вѣтками украшены и комнаты. Это древній обычай, а елка явилась недавно: первую поставилъ принцъ Альбертъ, мужъ королевы Викторіи, когда ея старшему сыну исполнился одинъ годъ. Во времена Диккенса былъ обычай кому-либо бѣдному посылать корзинку, перевязанную рождественской лентой — съ гусемъ. Поздравительныя карточки возникли въ сороковыхъ годахъ, когда одинъ лордъ послалъ праздничный привѣтъ на разрисованной карточкѣ. Это понравилось, а скоро стало обычаемъ и въ Европѣ. Въ Шотландіи рождественскій праздникъ сочетается съ праздникомъ древнимъ — конца года. Принята и елка — въ Эдинбургѣ около главнаго собора огромная ель блистаетъ огнями въ рождественскую ночь. Принято зажигать елки и при входѣ въ другіе церкви.

Въ Швейцаріи нѣмецкіе обычаи переплетаются съ французскими. Дѣдъ Морозъ приноситъ дѣтямъ елку и подарки. Во французской Швейцаріи его сопровождаетъ *"Mere Fouettard"*, раздающая въ назиданіе безпокойнымъ дѣтямъ — прутья. Дѣти получаютъ подарки на Рождество, взрослые — на Новый Годъ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай передъ меріей ставить большую елку, вокругъ которой дѣти поютъ рождественскія пѣсни, а потомъ получаютъ подарки. Въ католическихъ кантонахъ св. Николай въ видѣ старца на осликѣ посѣщаетъ малыхъ дѣтей. Его изображаетъ кто нибудь изъ друзей дома. Онъ поощряетъ хорошихъ дѣтей, журитъ другихъ. Потомъ выпивается имъ традиціонный стаканъ вина, а осликъ получаетъ кусокъ сахару.

Въ Бельгіи и Голландіи обычаи центральной Европы. 6 декабря дѣти кладутъ передъ каминомъ карзинки съ морковью — для осла, на которомъ

долженъ пріѣхать Перъ-Ноэль. На утро вмѣсто моркови находятъ сласти и подарки. Въ Бельгіи принято собираться вокругъ домашняго огня, у камина. Большое бревно бука должно тлѣть до утра, для чего въ полночь покрываютъ пепломъ, чтобы найти горящимъ при возвращеніи изъ церкви.

Во Франціи въ древности Рождество соединялось въ празднованіемъ Новаго Года. Былъ обычай одаривать другъ друга, и каждая провинція имѣла свои подарки, пищевые, гдѣ брюква, гдѣ сидръ, гдѣ кровяная колбаса, гдѣ курица, раки, трюфли, сыръ. Встрѣча праздника искони была сопровождаема весельемъ (*Reveillon*). Въ старину былъ обычай приглашать къ столу бѣдныхъ путниковъ, для котораго оставалось свободное мѣсто. Часть ужина оставлялась «для мертвыхъ». Въ Провансѣ возжигалась рождественская свѣча. Часть хлѣба предназначалась нищимъ. Каждая провинція имѣетъ традиціонныя блюда. Съ праздникомъ связались во Франціи мистеріи. Въ XV в. въ 25 километрахъ отъ Парижа въ Монтери ставилась Рождественская мистерія подъ руководствомъ духовенства. Въ XVIII вѣкѣ этотъ обычай исчезъ. Впрочемъ есть мѣста, гдѣ до послѣдняго времени каждые пять лѣтъ исполняется старинная пастораль, въ которой фигурируютъ пастухи, волхвы, ангелы. Обычай устраивать ясли (крешъ) очень распространенъ и сейчасъ. Небольшія раскрашенныя фигуры изъ глины изображаютъ волхвовъ, ангеловъ, пастуховъ на фонѣ пещеры, гдѣ лежитъ Божественный Младенецъ. По преданію этотъ обычай идетъ отъ Франциска Ассизкаго. Елка во Франціи явилась въ серединѣ XIX вѣка, хотя познакомились Французы съ ней уже въ походахъ Наполеона. Сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ удивленъ былъ Наполеонъ, когда, проѣзжая черезъ Пруссію, увидѣлъ въ окнахъ освѣщенную свѣчами елку. Первая елка въ Парижѣ была устроена извѣстнымъ критикомъ Сентъ- Бевъ, который въ 1837 г. познакомился съ этимъ обычаемъ въ Швейцаріи. Восхищенный имъ, тридцатитрехлѣтній Сентъ-Бевъ воспроизвелъ его въ Парижѣ, съ участіемъ Жоржъ Сандъ, которая тоже устроила елку для своихъ дѣтей. Далеко не сразу утвердился этотъ обычай, по началу воспринятый только богатыми людьми. Теперь въ Парижѣ продаются десятки тысячъ елокъ съ 13 декабря, на цѣлый мѣсяцъ, Парижъ, по словамъ одного журналиста, пріобрѣтаетъ видъ лѣсистой Галліи, такъ какъ его наполняютъ ели, пихты и другія деревья, съ древности связанныя съ праздникомъ. Они стоятъ на набережной Сены, на цвѣточныхъ базарахъ, въ большихъ и малыхъ магазинахъ. Одновременно превращается Парижъ и въ птичій дворъ: каждая семья хоть разъ хочетъ имѣть у себя гуся, индѣйку, фазана, утку... Только 20 процентовъ французовъ бываютъ на ночной мессѣ. Многіе, половина всего населенія, празднуютъ самый день праздника, ночью предаваясь обычному сну.

Въ Польшѣ выходятъ въ канунъ праздника — ждать звѣзду. Появленіе звѣзды означаетъ приходъ ангела съ подарками — и всѣ собираются на трапезу изъ 4 рыбныхъ блюдъ. Сколько приготовлено мѣстъ —столько должно быть людей, иначе то плохая примѣта. Приглашенный долженъ замѣнить себя другимъ, если онъ не можетъ придти. Одно мѣсто остается свободнымъ,

символизируя приглашеніе отсутствующихъ членовъ семьи, умершихъ. На столѣ разбросана солома — напоминаніе пещеры. Большая смоченная водою просфора (оплатокъ) раздѣляется между всѣми живыми существами дома, на фермахъ отъ нея даютъ кусочки коровамъ, овцамъ, курамъ. Разыгрываются пантомимы костюмированными дѣтьми, обычно фигурируютъ черный дьяволъ съ красными рогами и ангелъ въ бѣломъ съ шестомъ, на которомъ утверждена серебряная звѣзда. Участвуютъ и маги, пастухи, Иродъ, ангелы, демоны...

Въ Италіи и Испаніи примѣшивается карнавальное веселье: хлопья сѣвернаго снѣга замѣняются конфетти. Участвуютъ веселыя маски, происходятъ танцы... Но своимъ чередомъ идутъ рождественскія мессы, особо торжественныя. Совершаются религіозныя процессіи. Какъ извѣстно, въ Италіи возникъ обычай устроенія яслей. Св. Францискъ прогуливался въ лѣсу — у него родилась мысль. Съ помощью одного вѣрующаго, онъ положилъ солому около ствола дерева и сдѣлалъ фигуры, изображающія Св. Семейство, пастуховъ, волхвовъ. На этомъ мѣстѣ стали каждый годъ возобновлять эту «крешъ», и обычай утвердился. Есть часовня въ Римѣ, Санто-Бамбино, куда, къ этимъ яслямъ, въ ногахъ Младенца Іисуса, несутся письменныя просьбы со всей Италіи. Письма кладутся къ ногамъ Младенца, заключая въ себѣ потаенныя желаніе и дѣтей и взрослыхъ. Идетъ служба — церковь обслуживается францисканцами — съ моленіями объ исполненіи прошеній, послѣ чего письма сжигаются. Большей частью на нихъ адресъ написанъ такъ: «Бамбино. Рома» — только эти два слова.

Въ США праздникъ Рождества Христова занимаетъ даже большее чѣмъ въ Англіи. Поздравительныя карточки и подарки имѣютъ распространеніе широчайшее. Украшаются помѣщенія домашнія, улицы, витрины — въ расходахъ не скупятся даже въ семьяхъ скромныхъ. Елка должна быть въ каждой семьѣ, а иногда ее устраиваютъ въ саду. Соревновнаніе идетъ и между муниципалитетами въ украшеніи площадей и парковъ. Въ Вашингтонѣ президентъ зажигаетъ елку — сигналъ къ иллюминаціи всей страны. Есть обычай дѣтскій: послѣ послѣдняго урока передъ праздниками дѣти возвращаются домой съ пѣснями рождественскими и поютъ ихъ передъ домами — для дѣтей въ эти дни всѣ двери открыты. Въ большихъ городахъ совершаются многолюдныя процессіи, въ которыхъ, конечно, фигурируетъ Санта Клаусъ. Возникаютъ собранія въ школахъ и общественныхъ мѣстахъ съ пѣніемъ рождественскихъ пѣсень. Но лучше всего чтится праздникъ въ семьяхъ, въ домашнемъ уютѣ. У католиковъ совершается ночная месса, на которую, въ видѣ исключенія, заходятъ и протестанты.

Въ Калифорніи иная картина, чѣмъ въ восточной части США. Въ Нью-Іоркѣ при видѣ снѣга раздаются восклицанія: «вотъ настоящая рождественская погода!» Въ Калифорніи снѣгъ можно видѣть на елкахъ только искусственный... Здѣсь сохранились слѣды вліянія испанскихъ миссій. Нѣкогда, когда онѣ были раздѣлены большими пространствами, а пути были не безопасны, путешественниики находили пріютъ въ монастыряхъ. Теперь эти монастыри перестали быть убѣжищами, но сохранили свою живописную привлекательность.

Подъ Рождество они зовутъ своими колоколами вѣрующихъ къ ночнымъ мессамъ. Въ глубинѣ сводовъ свѣчи мягко освѣщаютъ камни стѣнъ и ясли... Калифорнійскій берегъ не знаетъ лихорадочнаго оживленія Сѣвера, но каждая семья имѣетъ свою сверкающую елку, и въ рукахъ у каждаго прохожаго пакеты, обвязанные лентами — подарки...

На канадскомъ побережьи, сѣвернѣе Квебека, въ дни Рождества все покрыто бѣлымъ покровомъ. Ледяной вѣтеръ несетъ хлопья снѣга и засыпаетъ крыши маленькихъ деревень, разсыпанныхъ по берегу океана. Около нихъ небольшія поляны, а за ними безконечные лѣса, темная масса которыхъ лишь рѣдко прорѣзывается вьющимися въ скалахъ ручейками. 24 декабря всѣ рыбачьи лодки подтянуты на песчаный берегъ, все населеніе готовится къ празднику. Повседневная работа прекращается. Мущины снимаютъ снѣгъ съ замороженнаго мяса, женщины достаютъ сохранившіеся въ глубокихъ погребахъ овощи. Въ этотъ день обѣдъ очень скроменъ — постъ. Вечеромъ въ своихъ домикахъ изъ бѣлаго камня ждутъ около печки семейства часа, когда надо отправляться на полуночную мессу. Вокругъ керосиновой лампы идетъ бесѣда на нормандскомъ нарѣчіи XVII вѣка, смѣшанномъ съ другими мѣстными нарѣчіями сосѣднихъ провинцій, откуда вышли предки современныхъ канадцевъ этого края. Заслышавъ колокольный звонъ, укутываютъ ноги плотной шерстяной матеріей, надѣваютъ башмаки и идутъ въ деревенскую церковь. Тѣ, кто издалека, запрягаютъ лошадь въ деревянныя сани, выкрашеныя въ ярко-красный цвѣтъ — что бросаетъ веселое пятно на бѣлый фонъ снѣга. Укрывшись мѣхомъ медвѣдя, садятся въ сани человѣкъ десять. Подъ звонъ бубенчиковъ легко скользятъ полозья по единственной дорогѣ, которая, не удаляясь отъ моря, огибаетъ полуостровъ то поднимаясь, то опускаясь въ лѣсахъ и каждый разъ пересѣкая рѣчку. Возница долженъ править увѣренной рукой, чтобы попадать на мосты, покрытые снѣгомъ, а потомъ подниматься изъ глубокихъ ущелій. По возвращеніи домой каждая семья молится передъ яслями, а потомъ — традиціонный рождественскій ужинъ, скромный: кровяная колбаса и сидръ. Утромъ — снова въ церковь, а потомъ уже праздничный столъ. Особенно торжественъ столъ у старшины селенія — священника, который также и школьный учитель. Для дѣтей особыя развлеченія: имъ устраивается рождественская елка въ мѣстномъ «отелѣ», который въ это время года пустъ — Квебекъ далеко, а дорога часто непроѣзжа изъ-за снѣжныхъ зносовъ. Еще лѣтомъ обычно кюре дѣлаетъ сборъ, а когда по дѣламъ попадаетъ въ архіерейскій домъ, пріобрѣтаетъ подарки, игрушки, книги. Послѣ вечерней службы поются рождественскіе пѣсни и раздаются подарки — но не отъ имени Санта Клаусъ, а въ знакъ любви, которую заповѣдуетъ намъ родившійся Младенецъ Іисусъ.

Въ Мексикѣ за девять дней до Рождества улицы заполнены ярмарочными бараками, гдѣ развѣшаны изображенія Пресв. Дѣвы Маріи, св. Іосифа и Младенца Іисуса, а также репродукціи животныхъ для яслей и разрисованная гляняная посуда. Дружественныя семьи одного квартала собираются каждую ночь въ одномъ и томъ же домѣ — сначала для молитвы, а потомъ для пѣнія и танцевъ. Комната, гдѣ ожидаютъ священника, украшена листьями и цвѣтами

и освѣщена свѣчами. На колѣняхъ всѣ выслушиваютъ молитву и по знаку священника встаютъ, чтобы слѣдовать за нимъ въ процессіи. Хозяинъ дома съ женой несутъ носилки, на которыхъ поставлены статуэтки Дѣвы Маріи, св. Іосифа, Младенца Іисуса и охраняющаго ихъ ангела. Передъ каждымъ домомъ остановка — раздается просьба Іосифа; дать имъ пристанище. Вездѣ отказъ, кромѣ послѣдняго дома, гдѣ и останавливаются путники. Статуэтки ставятся на полъ — и такъ остаются всю ночь. Послѣ нѣсколькихъ молитвенныхъ пѣснопѣній начинаются игры. Дѣти добываютъ, стараясь сбить, подвѣшенныя къ потолку сладости. На дворѣ танцы. Въ полночь фейрверкъ. Звонятъ колокола. За ужиномъ — особое блюдо, традиціонные блинчики со сладкимъ соусомъ.

Въ Южной Америкѣ Рождество приходится на самое жаркое время, и празднованіе часто мало что говоритъ о Христѣ. Особыхъ обычаевъ не сложилось въ большихъ городахъ, какъ Буэносъ-Айресъ или Ріо де Жанейро — каждый празднуетъ по обычаю страны, откуда онъ выходецъ. Въ Бразиліи (въ Бахіа) торжество начинается баломъ — на фонѣ ясель и пейзажа, гдѣ Вифлеемъ имѣетъ видъ арабскаго дома съ плоскими крышами и окруженъ валомъ, съ пушками, а вокругъ солдаты въ формѣ эпохи Наполеона III. Передъ такой картиной ставятся ясли, окруженныя бумажными елками, кусками стекла, изображающими озеро, на берегу котораго пасутся сдѣланныя изъ шерсти овцы. Къ полуночи всѣ идутъ на мессу: алтари, какъ во всѣхъ странахъ иберійской культуры, сверкаютъ золотомъ и серебромъ въ свѣтѣ безчисленныхъ свѣчей, принесенныхъ вѣрующими. По возвращеніи изъ церкви начинается главное торжество съ танцами и пѣніемъ, что продолжается до утра.

Разнообразны обычаи въ Боливіи. Каждая семья, по достатку, покупаетъ большаго или меньшаго размѣра статуэтку изъ воска Іисуса Христа. Къ полуночи всѣ въ церкви, а послѣ мессы каждый несетъ свою статуэтку для освященія. Затѣмъ всѣ группами идутъ въ тотъ или иной домъ, гдѣ статуэтки распологаются на столѣ, въ глубинѣ комнаты, а друзья объединяются вокругъ большого общаго стола.

Въ Австраліи для того, чтобы создать подобіе того, что бывало въ Англіи, надо снѣгъ замѣнять ватой. Свободными днями пользуются австралійцы, чтобъ отдохнуть на воздухѣ — пляжи переполнены. Но въ ночь подъ Рождество соблюдаются англо-саксонскія традиціи — традиціонный обѣдъ. Послѣднее время возникаетъ обычай собираться въ парки, гдѣ на огромной эстрадѣ многосотенный хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ исполняетъ рождественскія пѣсни, протяжныя, меланхолическія. Эстрада, освѣщенная прожекторами, представляетъ блестящее пятно на темномъ фонѣ деревьевъ. При свѣтѣ свѣчей въ бумажныхъ подсвѣчникахъ люди слѣдятъ за текстомъ пѣсень, а послѣ 12 часовъ расходятся по домамъ *).

Каннъ. А. Бедринъ.

---

*) Матеріаломъ для настоящей сводки послужили статьи французкихъ новогоднихъ и рождественскихъ журналовъ и газетъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ.

ЯСЛИ ВИФЛЕЕМА.

Отчего сегодня такъ лучисто-ярки
Звѣзды подъ безкрайнимъ, блещущимъ шатромъ,
И подъ синей дымкой въ задремавшемъ паркѣ
Осыпаетъ вѣтви иней серебромъ?

По дорожкамъ всюду призрачныя тѣни
Мечутся, сливаясь въ голубой узоръ;
Въ вышинѣ бездонно-недоступной сѣни
Строенъ и хвалебенъ звѣздный разговоръ.

Полночь на исходѣ. Всѣ огни погасли.
Тихо пролетаетъ надъ землею сонъ
И рисуетъ міру Вифлеема Ясли —
И надъ ними свѣтлыхъ духовъ легіонъ.

Какъ знамена мира, вѣтви пальмъ склонились
Предъ рожденнымъ въ Плоти Богомъ на землѣ,
Матери Пречистой нынѣ затаились
Скорбь съ святымъ величьемъ на Ея Челѣ.

И вѣка промчались . . . Міра вожделѣньемъ
Сталъ не Богъ Предвѣчный въ пламенныхъ сердцахъ:
Предъ златымъ кумиромъ нынѣ, съ поклоненьемъ,
Міръ, сжигая жертвы, падаетъ во прахъ.

Родъ людской отъ Бога отошелъ въ гордынѣ,
Братъ на брата поднялъ въ озлобленьи мечъ,
И Господь разсѣялъ всѣхъ насъ по чужбинѣ, —
Не ласкаетъ сердца намъ чужая рѣчь!

Но изъ Вифлеемскихъ Ясель возсіяла
Намъ Любовь, какъ прежде, на зарѣ вѣковъ.
Родина Святая! Съ поднятымъ забраломъ
Встанешь, русскій витязь, изъ своихъ оковъ!

Ты въ тюрмѣ великой тяжко изстрадалась:
Вижу потъ кровавый на твоемъ челѣ! . .
Сердце плачетъ — въ мукахъ разорвалось:
Боже, дай намъ мира на Твоей землѣ!

АННА САМОЙЛОВИЧЪ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе и чудеса св. преподобнаго отца Саввы.

3 декабря

Недалеко отъ города Москвы близъ Звенигорода на рѣкѣ Москвѣ, среди красивой мѣстности стоитъ монастырь, основанный св. Саввой, ученикомъ св. Сергія Радонежскаго. На горѣ, на которой теперь стоитъ обитель. раньше подвизался святой. Жилъ одинъ въ тишинѣ, въ безмолвіи. Зимою терпѣлъ стужу, лѣтомъ зной.

Одинъ христолюбивый князь далъ блаженному денегъ на построеніе храма на этой красивой горѣ, и святой воздвигъ храмъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Къ святому пришли Божьи люди, которые захотѣли сдѣлаться его учениками. Они построили вокругъ храма келліи — такъ выросла новая обитель. Св. Савва премудро училъ своихъ учениковъ-монаховъ. Преподобный дожилъ до глубокой старости. Передъ смертью онъ заболѣлъ, позвалъ братьевъ, поучилъ ихъ чтобы они дружно жили, постились бы, молились. Святой старецъ простился со всѣми и тихо предалъ душу свою въ руки Божьи. Множество народа изъ Звенигорода собралось на его погребеніе. Приносили больныхъ къ его гробу. Его мощи до сихъ поръ исцѣляютъ больныхъ и покоятся въ церкви Пресвятой Богородицы.

Прошло много лѣтъ. Игуменъ обители Звенигородской, Діонисій, ночью помолился и заснулъ. Вдругъ видитъ онъ сѣдого благообразного монаха, который ему говоритъ: «Діонисій, про-

снись и напиши мое изображеніе на иконѣ». — «А какъ тебя зовутъ? Кто ты?», — спросилъ старца игуменъ. «Я — начальникъ этого мѣста, — отвѣтилъ старецъ. Діонисій проснулся, позвалъ одного стараго монаха, который былъ ученикомъ св. Саввы и попросилъ его описать наружность. Монахъ описалъ, и Діонисій сказалъ ему тогда, что ночью къ нему приходилъ св. Савва. Игуменъ написалъ его изображеніе, т. к. былъ иконописцемъ. Съ того времени у гроба святаго стали происходить многія чудеса, и многіе больные исцѣлялись. У одного монаха долго болѣли глаза. Онъ не могъ совсѣмъ смотрѣть на свѣтъ. Онъ однажды со слезами помолился на гробѣ преподобнаго и вытеръ глаза покровомъ съ гроба святаго. Другой монахъ, который стоялъ тутъ же, сталъ смѣяться надъ больнымъ и сказалъ ему: «Не исцѣленіе получишь, а хуже глаза запорошишь пылью». Болящій братъ тутъ же получилъ исцѣленіе, а насмѣшникъ внезапно ослѣпъ. Онъ услышалъ голосъ: «Чего искалъ, то и нашелъ; всѣ будутъ наказаны, кто будетъ смѣяться надъ святымъ угодникомъ». Тогда слѣпой со страхомъ, рыдая, упалъ предъ гробомъ преподобного Саввы, прося прощенія, и былъ прощенъ Господомъ, послѣ многихъ слезъ, молитвъ и покаянія.

Одной ночью пришли въ монастырь воры, чтобы обокрасть церковь Божіей Матери . . . Когда они устремились къ окну, которое было надъ гробомъ св. Саввы — имъ вдругъ показалось, что передъ ними выросла большая гора, на которую они не смогли бы никогда взобраться. Они испугались и поспѣшили уйти. Послѣ они вернулись въ монастырь и разсказали, что съ ними случилось, — и конецъ жизни своей они честно и хорошо прожили.

Однажды въ обитель св. Саввы одинъ бояринъ привезъ тяжело больного сына. Отъ тяжкой болѣзни онъ уже говорить не могъ. Иноки отслужили молебенъ и влили въ ротъ монастырскаго кваса. Больной сейчасъ же заговорилъ, съѣлъ хлѣба съ иноческой трапезы и выздоровѣлъ. Бояринъ прославилъ Бога и Его угодника, святого Савву. Онъ, какъ къ живому, обратился къ преподобному такъ: «О, преподобный отче, у меня въ домѣ есть больные рабы и рабыни — исцѣли ихъ». Онъ взялъ изъ обители квасу и вернулся домой со здоровымъ сыномъ. Онъ сейчасъ же велѣлъ привести къ себѣ свою рабыню Ирину — глухую и слѣпую. Бояринъ влилъ ей квасъ въ уши и помазалъ квасомъ слѣпые глаза. Тотчасъ же Ирина услышала и стала ясно видѣть.

Еще одного раба своего, Артемія, который былъ семь лѣтъ глухимъ, велѣлъ бояринъ позвать, и ему влилъ квасъ въ уши, и рабъ сталъ слышать. Еще слѣпую дѣвицу велѣлъ привести, и ей помазалъ глаза, и она прозрѣла.

Не квасъ, конечно, исцѣлялъ, а молитвы св. Саввы и великая вѣра боярина.

Игуменъ этой обители Мисаилъ однажды тяжело заболѣлъ и былъ при смерти. Пономарь Гурій пошелъ звонить къ утрени Когда онъ былъ противъ дверей церковныхъ встрѣтилъ его благолѣпный старецъ и спросилъ: «Какъ здоровье вашего игумена?» Гурій отвѣтилъ, что игуменъ тяжело болѣнъ. «Иди и скажи ему, чтобы онъ призвалъ на помощь Пресвятую Богородицу и начальника этого мѣста, св. Савву, и тогда игуменъ выздоровѣетъ», — сказалъ невѣдомый старецъ. «Открой мнѣ церковныя двери — я войду въ церковь», попросилъ онъ. Пономарь побоялся до звона отворить двери. Стоялъ — и раздумывалъ. Старецъ ничего не сказалъ. Молча подошелъ онъ къ дверямъ — и, къ страху и удивленію пономаря, двери сами собой отворились, и старецъ вошелъ въ церковь. Когда Гурій пришелъ къ себѣ въ келлію, то сталъ пенять своему другу-иноку, живущему съ нимъ въ келліи — почему онъ вчера не заперъ дверей церковныхъ. «Я видѣлъ старца, который вошелъ въ церковь» — объяснилъ Гурій. Его другъ очень удивился и поклялся ему, что вчера съ вечера крѣпко заперъ двери. Другъ пошелъ съ нимъ въ церковь. Каково же было удивленіе пономаря, когда онъ нашелъ двери церковныя крѣпко запертыми.

Послѣ утрени Гурій разсказалъ всѣмъ инокамъ о видѣніи, и иноки объяснили ему, что это былъ самъ св. Савва. Игуменъ же, услышавъ разсказъ пономаря, попросилъ отнести себя ко гробу преподобнаго. Тамъ онъ помолился святому угоднику и сейчасъ же исцѣлился.

Многія другія чудеса совершались при гробѣ святаго, молитвами Пресвятой Богородицы и св. Саввы Преподобнаго.

И мы будемъ просить святаго, чтобы онъ помолился за насъ, грѣшныхъ, Христу Господу Богу Нашему, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Амвросія

ЕПИСКОПА МЕДІОЛАНСКАГО (Миланскаго).

7 декабря.

Святой жилъ въ Италіи. Имя Амвросій значитъ сладость. Отецъ его тоже былъ Амвросій: очень любя сына, онъ назвалъ его своимъ именемъ

Еще когда онъ былъ ребенкомъ, Господь показалъ, сколько сладости дастъ онъ церкви Христовой. Однажды онъ лежалъ на воздухѣ, запеленутый, беззащитный, маленькій и тихо спалъ. Вдругъ прилетѣлъ рой пчелъ, покрылъ лицо ребенка, уста его. Пчелы одна за другой влетали въ уста его и клали на его языкъ сладкій медъ. Кормилица маленькаго Амвросія, увидавъ пчелъ, испугалась. Она хотѣла отогнать пчелъ, такъ какъ боялась, что онѣ ужалятъ ребенка. Но отецъ запретилъ ей, усмотрѣвъ въ этомъ Божіе чудо. Вскорѣ рой взлетѣлъ на небо и сталъ невидимъ. Отецъ затрепеталъ; онъ понялъ, что его дитя будетъ великимъ. Рой пчелъ, клавшихъ медъ на языкъ младенцу, предвѣщалъ сладостныя Божіи прекрасныя слова, которыя впослѣдствіи св. Амвросій писалъ и говорилъ людямъ. Когда онъ сталъ подростать, то жилъ въ Римѣ, вмѣстѣ со своею матерью, уже вдовою (отецъ его уже умеръ) и съ сестрою, которая ради Господа не хотѣла выходить замужъ.

Однажды отрокъ Амросій видѣлъ въ церкви, какъ народъ цѣлуетъ руку епископу. Когда отрокъ вернулся домой, онъ сталъ играть, протягивая руку домашнимъ своимъ и говорилъ: «Цѣлуйте, и я буду епископомъ». Дѣтскими устами говорилъ Духъ Святой, предсказывая, что дѣйствительно, отрокъ будетъ епископомъ. Когда черезъ много лѣтъ святой сдѣлался епископомъ города Милана (или Медіолана) и пріѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Римъ, къ сестрѣ своей, такъ какъ мать его уже умерла, то они стали вспоминать о его дѣтской игрѣ.

Въ Римѣ же онъ сотворилъ чудо. Одна женщина, жившая за рѣкою Тибръ, захотѣла, чтобы святой отслужилъ въ ея домѣ Божественную литургію. Другая больная женщина попросила, чтобы ее принесли въ домъ, гдѣ служилъ святитель. Когда святитель молился, больная прикоснулась къ краю его одежды — и сейчасъ же выздоровѣла.

Святой Амвросій очень любилъ нищихъ и убогихъ и всѣ свои деньги тратилъ на бѣдныхъ. Когда он сдѣлался епископомъ, то все свое золото и серебро истратилъ на украшеніе церкви и на прокормленіе нищихъ и сиротъ. Только немного оставилъ сестрѣ своей, а себѣ ничего не оставилъ. Когда святой сдѣлался глубокимъ старцемъ, Господь позвалъ его къ Себѣ. Передъ кончиною святой заболѣлъ. Онъ зналъ заранѣе, когда умретъ. Онъ говорилъ: «Только до Пасхи проживу я съ вами». Передъ кончиною святой увидѣлъ Господа Іисуса Христа идущаго къ нему. Въ горницѣ съ больнымъ святителемъ спалъ одинъ священникъ. Когда душа святого должна была улетѣть къ Богу, священникъ услышалъ во снѣ голосъ, три раза повторявшій: «Встань, сегодня епископъ

умретъ». Священникъ причастилъ святого Амвросія. На разсвѣтѣ перваго пасхальнаго дня предалъ епископъ свою душу въ руки Господа Своего.

Его тѣло было положено въ большой церкви города Милана, а душа его предстала съ ангелами престолу Святой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго Бога, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Петра,
митрополита Кіевскаго и всей Россіи.

21 декабря

Передъ рожденіемъ Петра, митрополита Кіевскаго, мать его видѣла видѣніе на зарѣ воскреснаго дня. Точно на рукахъ держитъ она ягненка. Между его рогами растетъ красивое дерево, все въ цвѣтахъ и плодахъ. Среди вѣтокъ горитъ множество свѣчей, отъ которыхъ исходитъ благоуханіе. И Господь далъ матери блаженное, святое дитя.

Когда святому Петру исполнилось семь лѣтъ, онъ сталъ учиться. Ученье давалось ему очень трудно. Разъ во снѣ видитъ онъ старца-святителя, который ему говоритъ: «Открой, дитя, уста твои». Святой Петръ послушался старца, и святитель коснулся правою рукою его языка и благословилъ его. Отрокъ почувствовалъ въ устахъ сладость — и проснулся. Его сердце необыкновенно радовалось. Съ этой ночи, послѣ видѣнія, ему стало легко учиться. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ ушелъ въ монастырь. Тамъ онъ носилъ на кухню дрова, воду, мылъ братьямъ волосяныя одежды. Онъ первый приходилъ въ церковь и послѣдній уходилъ. Его сначала сдѣлали дьякономъ, а потомъ іеромонахомъ. Онъ выучился писать иконы. Потомъ онъ ушелъ въ тихое, безлюдное мѣсто — захотѣлъ жить одинъ. Онъ поселился возлѣ рѣки Рати. Тамъ онъ выстроилъ церковь во имя Господа Нашего Іисуса Христа. Къ нему собрались монахи, и былъ онъ для всѣхъ добрый, незлобный, тихій и кроткій наставникъ. Особенно онъ любилъ нищихъ: ни одного бѣдняка не отпуститъ безъ подаянія.

Князь страны Волынской, гдѣ жилъ св. Петръ, узналъ о его доброй жизни и захотѣлъ сдѣлать его митрополитомъ. Святой поѣхалъ въ Царьградъ далеко за море, чтобы просить благословеніе у патріарха Царьградскаго. Когда святой вошелъ въ храмъ, гдѣ

былъ патріархъ — весь храмъ наполнился благоуханіемъ, а патріархъ понялъ, что вошелъ угодникъ Божій. Онъ благословилъ его быть митрополитомъ Кіевскимъ. Много поработалъ святой для Господа, многихъ людей научилъ доброму. Онъ любилъ жить въ городѣ Москвѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ жилъ благовѣрный князь Іоаннъ. Князь Іоаннъ по совѣту св. Петра воздвигъ въ Москвѣ прекрасный храмъ во имя Пресвятой Богородицы.

Передъ кончиной святитель сдѣлалъ себѣ могилу. Онъ умеръ, когда пѣлъ вечерню въ храмѣ: съ молитвою на устахъ ко Господу.

Когда его торжественно хоронилъ самъ князь Іоаннъ, одинъ человѣкъ подумалъ: «Что эта за мертвецъ, котораго хоронитъ самъ князь». И вдругъ этотъ человѣкъ увидѣлъ, какъ святой сѣлъ на одръ, на которомъ его несли, и сталъ благословять народъ. Стыдно стало этому человѣку. Послѣ смерти святой творилъ многія чудеса въ честь и славу въ Троицѣ славимаго Бога во вѣки. Аминь.

Ангелъ бѣлокрылый.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕРВОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

"Тссс . . . остановилъ Шурикъ, гимназистъ перваго приготовительнаго класса, трехлѣтнюю Леночку, съ шумомъ вбѣжавшую въ комнату. "Ты забыла, что мама нездорова. У нея очень болитъ головка". Леночка присмирѣла. Ея темно-каріе глаза сдѣлались большими и серьезными. Взглянувъ за ширмы, гдѣ лежала мать, она протянула: "Бѣ-ѣдненькая", и, подумавъ, добавила, "а кто зе намъ купитъ елку?"

Шурикъ въ отвѣтъ только печально опустилъ голову. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ пяльцамъ, стоявшимъ возлѣ ширмъ, и откинулъ полотняную тряпку, покрывавшую вышивку. Съ темно-синяго сукна на него глянулъ прекрасный, бѣлокрылый ангелъ, несущій въ рукѣ пушистую елку, съ горящими свѣчами. Ангелъ летѣлъ надъ домиками. выглядывавшими изъ-подъ глубокаго снѣга. Надъ селомъ возвышалась церковь, на колокольнѣ раскачивались колокола. Шурикъ закрылъ глаза. Точно наяву, поплылъ, уносясь вдаль, радостный, рождественскій звонъ. Мальчикъ зналъ каждую черту, каждый стежокъ этой вышитой картины.

Татьяна Владиміровна (такъ звали маму) послѣдніе дни до глубокой ночи была за работой. Мать говорила Шурику, что за эту вышивку она получитъ много денегъ и купитъ такую же, какъ и у ангела, пушистую, кудрявую елку. На ея вѣтви они набросятъ серебряный и золотой дождь, повѣсятъ сверкающіе, разноцвѣтные шары. На тоненькихъ ножкахъ-пру-

жинкахъ будутъ покачиваться легкія, стеклянныя птички. Со шкафа въ передней достанутъ картонную коробку и вынутъ звѣзду, еще купленую папой, когда онъ послѣдній разъ пріѣзжалъ съ фронта. "Милый, веселый папа", съ грустью подумалъ Шурикъ. Третьяго января будетъ годъ, какъ онъ уѣхалъ на позиціи и больше не вернулся. Мать часто читаетъ плача вырѣзки изъ газеты, гдѣ въ спискахъ "Пропавшихъ безъ вѣсти" помѣщена фамилія, имя и чинъ ея мужа. Въ разговорѣ со знакомыми Татьяна Владиміровна произносила дрожащимъ голосомъ три страшныхъ слова: "Можетъ быть, убитъ". У Шурика тогда холодѣло и сжималось сердце. "Значитъ, я никогда не увижу папочку?", — съ отчаяніемъ думалъ мальчикъ.

Шурикъ посмотрѣлъ на стоявшую на писменномъ столѣ фотографію штабсъ-капитана съ открытымъ, прямымъ взглядомъ, съ густыми волосами. "Вотъ какой у меня былъ красивый, храбрый папа", прошепталъ онъ и тутъ же поправилъ себя, "Не былъ, а есть, есть, есть!"

Татьяна Владиміровна вчера вернувшись изъ пассажа, гдѣ она подбирала золотисто-кремовый шелкъ для кудрей ангела, почувствовала сильный ознобъ. Всеже до сумерокъ она просидѣла за работой, но, не кончивъ крышу колокольни и нѣсколькихъ занесенныхъ снѣгомъ коричневыхъ деревьевъ, слегла. Весь сегоднешній день она прометалась въ жару и только къ вечеру забылась тяжелымъ сномъ.

Наступили морозныя, синія сумерки. Леночка, со свисшими на лобъ кудряшками, водила пальцемъ по стеклу, сдвигая тоненькія льдинки, собравшіаяся около рамы.

"Дзууу... дзууу..." передразнила она пробѣжавшій мимо дома трамвай.

Шурикъ прислушивался къ звону посуды на кухнѣ квартирной хозяйки, Дарьи Тимофеевны, которую дѣти боялись и не любили. "Брысь, проклятая! Подъ ногами вертишься!", — доносился ея злой, хриплый голосъ.

"Бѣдненькая косеська Муроська, ее гонятъ", прозвенѣлъ Леночкинъ голосокъ, и мать застонала во снѣ.

"Тссс..." — Шурикъ погрозилъ сестрѣ пальцемъ.

Въ комнату вошла съ охапкой дровъ молодая, краснощекая Груня, которая прислуживала и Татьянѣ Владиміровнѣ. "Барыня-то заснули, что-ли?" спросила она. Шурикъ утвердительно кивнулъ головой.

"Хоть бы за докторомъ сбѣгать, а то сгоритъ, какъ есть сгоритъ", шептала Груня, осторожно складывая возлѣ печки дрова. "И какъ на грѣхъ, ни одна знакомая не заходитъ, всѣ къ празднику приготовляются".

Шурикъ тронулъ Груню за плечо и рѣшительно сказалъ:"Ты за мамой посмотри, а я поищу доктора". Груня удивленно посмотрѣла на мальчика. "Ты рехнулся. Да развѣ я тебя пущу? Мамаша бранить будетъ, что я не доглядѣла. Развѣ ты куда одинъ ходишь?"

"Если ты меня не пустишь, все равно убѣгу", угрожающе зашепталъ Шурикъ.

"Вишь, какой прыткій! Подожди, я у Дарьи Тимофеевны попрошусь, а ты пригляди за мамашей".

Черезъ нѣсколько секундъ въ коридорѣ громко хлопнула дверь. "Такъ я тебя и пущу! Держи карманъ шире. Къ празднику надо готовить, а она наровитъ убѣжать. Съ этой барыней ничего не сдѣлается, не помретъ". Такъ бранила Груню Дарья Тимофеевна

У Шурика сжалось сердце.

Татьяна Владиміровна застонала, приподняла голову, невидящими глазами посмотрѣла на сына и пробормотала: "Отгоните, отгоните отъ меня эту черную собаку!"

Мальчику стало страшно.

"Мама, мама, что ты говоришь? Что съ тобой?" наклонившись надъ матерью, спрашивалъ Шурикъ. Но Татьяна Владиміровна, тяжело дыша, опять откинулась на подушку.

"Я побѣгу за докторомъ. Буду на улицѣ спрашивать гдѣ онъ живетъ. Мамѣ плохо, Господи, мама можетъ умереть.", съ отчаяніемъ думалъ мальчикъ. Леночка тихонько тянула его за курточку. Шурикъ слегка оттолкнулъ сестру и, указывая на скамейку возлѣ кровати, приказалъ: "Сиди здѣсь. Къ печкѣ не подходи, понимаешь?" Шурикъ направился къ дверямъ, но почему-то обернулся. Его взглядъ упалъ на вышитаго ангела. Въ сумеркахъ онъ казался живымъ. Его золотисто-бѣлокурые волосы слегка поблескивали, синіе глаза смотрѣли на мальчика долгимъ, ласкающимъ взоромъ Шурикъ опустился на колѣни, сложивъ на груди тоненькія руки: "Милый, милый ангелъ, помоги мнѣ найти доктора. Мнѣ не надо елку, не надо игрушекъ, я хочу только, чтобы мамочка была здорова". По дѣтскимъ, розовымъ щекамъ текли крупныя слезы...

Склонивъ головку на бокъ, на него смотрѣла Леночка и повторяла: "Сурикъ умникъ, Сурикъ умникъ, онъ молится Бозенькѣ".

Шурикъ поднялся, безшумно прошелъ въ переднюю, снялъ съ вѣшалки свѣтло-сѣрое форменное пальто, — его гордость! — надвинулъ фуражку до самыхъ бровей, нажалъ задвижку англійскаго замка — и очутился на площадкѣ лѣстницы...

Только онъ хотелъ отворить тяжелую дверь подъѣзда, какъ она открылась сама. Передъ нимъ предстала высокая, молодая дама, закутанная въ темно-сѣрый мѣхъ. Вѣроятно, ее удивило серьезное, сосредоточенное лицо Шурика. Она улыбнулась ему. Мальчикъ въ отвѣтъ неожиданно для себя отчеканилъ: "Пожалуйста, скажите, гдѣ живетъ докторъ? Мнѣ надо найти его.

"Гдѣ, въ этомъ домѣ?" спросила дама.

"Нѣтъ, я самъ здѣсь живу... но у меня очень, очень больна мама, и я иду искать доктора".

"Ты идешь одинъ, не зная куда? Неужели нѣкого послать за докторомъ?" Вдругъ какая-то мысль осѣнила ее. "Стой, малышъ, какъ твоя фамилія?"

"Зоринъ", отвѣтилъ мальчикъ, "Александръ Евгеньевичъ, но меня всѣ зовутъ просто Шурикъ".

"Такъ я же ищу твою маму. Она вышивала для моихъ ребятокъ летящаго ангела.

Да, да, она, она!" обрадовался мальчикъ.

"Шурикъ", приказала дама, "сейчасъ же возвращайся къ мамѣ".

"Нѣтъ, нѣтъ, я иду искать доктора", чуть не плача, запротестовалъ мальчикъ.

"Постой, слушай", успокаивала его незнакомка, "я пойду въ сосѣднюю аптеку и вызову по телефону доктора... Впрочемъ, подожди. Вотъ же телефонъ".

Мальчикъ съ бьющимся сердцемъ, съ горящими щеками слушалъ, какъ "добрая дама" (такъ онъ мысленно назвалъ незнакомку) разговаривала съ врачемъ: "Я васъ очень прошу, звучалъ ея низкій, мягкій голосъ. Больная, видимо, оставлена на произволъ судьбы. Значитъ, черезъ нѣсколько минутъ пріѣдете. Благодарю васъ".

Дама повѣсила трубку, взяла мальчика за руку и проговорила: "Ну, малышъ, познакомимся: меня зовутъ Лидія Александровна. Веди меня къ мамѣ".

Они поднялись на третій этажъ. Шурикъ робко нажалъ кнопку звонка, подумавъ: "А вдругъ дверь откроетъ не Груня, а Дарья Тимофеевна". Онъ просіялъ, когда услышалъ шлепающіе шаги. Груня открыла дверь и ахнула, увидѣвъ мальчика съ незнакомой дамой: "Ахъ, батюшки, да какъ же это ты..."

"Молчи, молчи, Грунечка, послѣ разскажу, зашепталъ Шурикъ. Лидія Александровна мамочку знаетъ и доктора позвала".

"Слава Те Господи!" съ облегченіемъ вздохнула Груня.

Комната слабо освѣщалась мерцающимъ огонькомъ лампады, теплившейся передъ темнымъ, серебрянымъ образомъ. Шурику на мгновеніе показалось, что длинныя, золотистыя стрѣлы-лучи протянулись отъ лампады къ кудрявымъ волосамъ ангела и легли свѣтящимся ореоломъ вокругъ его головы.

"Мама здѣсь, за ширмами", шепталъ мальчикъ.

Лидія Александровна подошла къ больной. "Кто это?" раздался взволнованный голосъ, "Почему темно? У меня голова раскалывается отъ боли. Пить!"

Лидія Александровна взяла изъ дрожащихъ рукъ мальчика стаканъ съ водою и поднесла его къ пылающимъ губамъ Татьяны Владиміровны. Больная утолила жажду и, замѣтивъ склонившееся надъ ней лицо, спросила: "Кто, кто вы?"

"Успокойтесь, ласково говорила Лидія Александровна, поливая водою полотенце и кладя его на горячій лобъ больной. Это я, Харитонова, ваша закащица. Я не знала, что вы заболѣли. Проходя мимо вашего дома, я рѣшила взглянуть на вашу работу. А въ подъѣздѣ встрѣтила Шурика..."

Татьяна Владиміровна плохо слушала, что ей говорили, но, почувствовавъ на лбу прикосновеніе чего то холоднаго, сказала: "Ахъ, какъ хорошо!"

Зазвенѣлъ звонокъ. Прошлепали Грушины туфли. Вскорѣ прозвучалъ ея привѣтливый, протяжный голосъ: "Сюда-съ, баринъ. Да что это, какъ темно? Ты, Шурикъ, не догадался электричество зажечь?"

"Ахъ, Груня, сейчасъ, сейчасъ", заторопился мальчикъ. Матовый, ровный свѣтъ, блеснувшій изъ-подъ шелковаго абажура лампы, освѣтилъ высокаго, плотнаго старика съ румяными щеками и бѣлой пушистой бородою . . .

Мальчикъ съ волненіемъ слушалъ густой басъ,доносившійся из-за ширмы: "Такъ, такъ, вдохните глубже".

"Маму слушаетъ: трубочку приставляетъ, молоточкомъ стучитъ, думалъ Шурикъ. А вдругъ скажетъ что-нибудь страшное?"

"Ну-съ, Лидія Александровна, пугаться не надо, снова забасилъ докторъ. Сильная простуда. При хорошемъ уходѣ, можно остановить начинающійся процессъ въ правомъ легкомъ".

"Какъ я вамъ благодарна, Лидія Александровна, вдругъ съ радостью услышалъ Шурикъ слабый голосъ матери. Я въ потемкахъ васъ не узнала. Я, кажется, спала. Какіе-то страхи чудились. Точно . . .

"Не мудрено, сударыня, прервалъ ее докторъ. Жаръ у васъ порядочный. А вотъ какъ мы васъ ночью одну оставимъ?"

"Не безпокойтесь", послышался голосъ Лидіи Александровны. "Мнѣ, какъ бывшей сестрѣ милосердія, было бы стыдно не подежурить ночь у Татьяны Владиміровны. Предписанія же исполню въ точности. Я потелефонирую мужу. А завтра, пожалуйста, навѣстите Татьяну Владиміровну".

Какъ же, какъ же непремѣнно. Итакъ, до свиданія, говорилъ докторъ, выходя изъ-за ширмъ. Смотрите, дорогая Лидія Александровна, вѣдь это просто художественное произведеніе! вдругъ воскликнулъ онъ останавливаясь передъ пяльцами. Что за тона, что за выраженіе глазъ!"

"Прекрасно . . . точно живой, парящій ангелъ. Мои ребята въ восторгѣ будутъ", любуясь пано, проговорила Лидія Александровна.

"Мы всѣ о Леночкѣ забыли, а она заснула", громкимъ шепотомъ произнесъ вдругъ Шурикъ, наклонившись надъ сестренкой, сладко спавшей па плюшевой подушкѣ между толстымъ, старымъ диваномъ и выступомъ печки. На розовой ладони покоилась кудрявая головка. Другая рука обнимала фланелеваго зайку съ оторваннымъ ухомъ.

"Вотъ вамъ и вторая картина, не менѣе прекрасная. Заглядѣться не мудрено. Только мнѣ еще надо двухъ больныхъ навѣстить. До завтра", сказалъ докторъ и вышелъ изъ комнаты.

***

Изъ-за крыши двухэтажнаго дома вынырнуло морозное, низкое солнце и озарило алымъ свѣтомъ крошечную комнату Шурика — "закаулочекъ", какъ ее называла Татьяна Владиміровна. Мальчикъ вскочилъ. Первой мыслью было: какимъ образомъ онъ, рѣшившій дежурить всю

ночь возлѣ матери, очутился здѣсь? Вчера принесъ онъ изъ кухни тазъ съ ледяной водою, чтобы смочить мамино полотенце. Потомъ со страхомъ смотрѣлъ онъ на Лидію Александровну, когда она касалась пылающей ватой, горѣвшей на концѣ желѣзной палочки, дна маленькихъ, стеклянныхъ баночекъ и тутъ же наставляла ихъ на больной бокъ матери. Помнилъ онъ, какъ Груня раздѣвала спящую Леночку и укладывала спать въ ея постельку съ высокою, голубою сѣткой. Онъ присѣлъ на коверъ возлѣ маминой кровати... Боже, какой стыдъ! неужели онъ заснулъ и его, какъ и Леночку, раздѣвала и укладывала спать Груня?..

Шурикъ взглянулъ въ окно. Горѣлъ и сіялъ крестъ храма. Розовѣли оснѣженные, золотые купола. Съ голубого, немного туманнаго неба падали рѣдкія, легкія звѣздочки-снѣжинки. Разцвѣтало солнечное, прекрасное утро Сочельника.

"Вчера мнѣ ангелъ послалъ доктора, вдругъ вспомнилъ Шурикъ, а я такъ обрадовался, что и не поблагодарилъ его".

Мальчикъ быстро одѣлся. На цыпочкахъ войдя въ комнату матери, онъ прислушался и осторожно глянулъ за ширмы. Татьяна Владиміровна тихо, казалось, безмятежно спала. Ея лицо слегка розовѣло. Лидія Александровна сидѣла съ закрытыми глазами, откинувъ голову на спинку кресла. "Вѣрно тоже заснула. Какая она добрая, эта тетя", — подумалъ Шурикъ.

Онъ подошелъ къ пяльцамъ. Утренній свѣтъ скользилъ по блестящимъ шелкамъ. Лицо ангела было праздничнымъ, озареннымъ. Крылья отливали серебромъ.

Мальчикъ встрѣтилъ ангела съ ясною, веселою улыбкой, какъ своего стараго, вѣрнаго друга. "Спасибо! — сказалъ онъ ему. Ты спасъ маму. Не знаю, чѣмъ тебя отблагодарить. Для меня всего дороже мои столярныя принадлежности. Маленькія, но совсѣмъ какъ настоящія, пилки, рубанокъ, всякія доски, длинныя и короткія. Но я знаю — онѣ тебѣ не нужны. Ты летаешь и поешь Богу прекрасныя пѣсни, которыхъ не слышатъ люди. Я прошу тебя еще объ одномъ. Ты знаешь, что у меня пропалъ папа. найди мнѣ его! Верни его мамѣ! Ты слышишь? Милый ангелъ? Вѣдь ты слышишь! Исполни". И въ отвѣтъ, — Шурикъ даже вздрогнулъ — тысячи яркихъ лучей брызнули изъ глазъ ангела, алыя губы расцвѣли ласковой улыбкой, и кудрявая голова тихо наклонилась. Шурикъ закрылъ лицо руками. Онъ плакалъ тихими, радостными слезами.

***

Въ ясный Сочельникъ, вдоль снѣжныхъ, необозримыхъ равнинъ, мчался тяжелый, грохочущій, черный поѣздъ, нарушая безмятежную тишину спящихъ, зимнихъ полей, выпуская къ синему небу клочки темносѣраго, ѣдкаго дыма.

Въ купэ второго класса нѣсколько офицеровъ, ѣхавшихъ съ фронта въ отпускъ, съ возростающимъ интересомъ слушали штабсъ-капитана, еще молодого, но уже съ просѣдью въ густыхъ, каштановыхъ волосахъ. Онъ

разсказывалъ о своемъ побѣгѣ изъ австрійскаго плѣна — о пережитыхъ мытарствахъ, о голодѣ, о томъ, какъ онъ едва не замерзъ, просидѣвъ, спасаясь отъ преслѣдованія, цѣлый день въ занесенномъ снѣгомъ оврагѣ.

"Да, замѣтилъ, послѣ минуты всеобщаго молчанія, одинъ изъ офицеровъ: рѣдко, кто отважится бѣжать зимою".

"Никто, какъ Богъ", отвѣтилъ штабсъ-капитанъ и добавилъ:"У меня семья. Мысль о ней укрѣпляла меня. Лишь бы моихъ найти живыми и здоровыми. Черезъ нѣсколько дней будетъ ровно годъ, какъ я разстался съ ними".

День тянулся безконечно долго. Надвинулись, наконецъ, сумерки. Вдали показалось огненное сіяніе. Родной городъ мерцалъ милліонами огней. Онъ обѣщалъ усталымъ покой, уютъ, счастье...

***

"Ба, кого я вижу! Маруся, Сережа! — удивился докторъ входя въ комнату Татьяны Владиміровны. Навстрѣчу ему бросились стройный, смуглый мальчикъ лѣтъ шести и тоненькая, смуглая дѣвочка, года на два старше брата.

"Тише", остановилъ ихъ Михаилъ Степановичъ, бросивъ взглядъ въ сторону больной, онъ увидѣлъ вмѣсто ширмъ открытую кровать. Татьяна Владиміровна лежала въ кружевномъ чепчикѣ, съ толстою косою на плечѣ.

"Да это просто чудеса! Вы совсѣмъ молодцомъ. Только почему у васъ такая веселая компанія? Она же вамъ мѣшаетъ".

"Въ этомъ вините меня, послышался голосъ Лидіи Александровны. Мы въ точности исполнили ваши предписанія. А Татьяна Владиміровна настолько хорошо себя почувствовала, что не хотѣла лишать дѣтей радостей Сочельника и разрѣшила мнѣ подарить имъ эту маленькую елку". — Она указала глазами на кудрявое, блестѣвшее украшеніями, деревце, стоявшее на кругломъ, лаковомъ столѣ. — А что мои ребятишки здѣсь, такъ я взяла съ нихъ слово, что если они будутъ громко выражать свои восторги, то будутъ отправлены домой".

"Докторъ, приподнявшись отъ подушки заговорила Татьяна Владиміровна, я настолько хорошо себя чувствую, что не вправѣ считать себя больной".

"Те, те, те... прервалъ ее Михаилъ Степановичъ. Вы, кажется, сожалѣете, что съ вами ничего серьезнаго не произошло. Если вы, слава Богу, чувствуете себя лучше, такъ это не значитъ, что вы здоровы. Вотъ видите". — замѣтилъ докторъ, когда Татьяна Владиміровна закашлялась.

Выслушавъ больную, онъ сказалъ: "Я вамъ запрещаю раньше четырехъ-пяти дней вставать съ кровати. Хотя Лидія Александровна и чудеса сдѣлала, вашъ правый бокъ еще не благополученъ. Вамъ нуженъ покой", взглядывая на четырехъ дѣтей, добавилъ докторъ.

"Не думайте, докторъ, что ребятишки мнѣ мѣшаютъ — мнѣ такъ весело на нихъ смотрѣть".

"Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ распорядиться ими. Визиты я

свои кончилъ,спѣшить домой мнѣ, старому холостяку, не зачѣмъ. Ну веселая компанія, обратился онъ къ дѣтямъ. Давайте елку зажигать".

Вскорѣ комната озарилась теплымъ, мерцающимъ блескомъ свѣчей... Когда Шурикъ сталъ поджигать "прыгающія звѣздочки", какъ онъ называлъ маленькія, елочныя ракеты, то Леночка,было, не выдержала и завизжала отъ восторга, но тутъ же получила такой гнѣвный взглядъ брата, что мгновенно затихла.

Докторъ, Лидія Александровна и дѣти составили хороводъ и подъ нѣжную музыку игрушечнаго органа, со счастливыми улыбками закружились вокругъ елки.

Шурикъ посмотрѣлъ на темное окно. Поблескивали звѣзды чистыя, почти немигающія...

"Сегодня ангелы должны летать низко-низко надъ землей. А вотъ я ихъ не вижу. Но зато здѣсь съ нами ангелъ, который мнѣ помогаетъ, съ любовью думалъ Шурикъ. Онъ далъ мнѣ даже то, чего я и не просилъ — игрушки, елку, конфеты. Все у меня есть. Вотъ только папа... Папы, папы нѣтъ",мелькнула горькая мысль. Онъ вдругъ встрѣтился взглядомъ съ матерью. Въ ея большихъ, грустныхъ глазахъ онъ прочелъ ту же тоску. Онъ понялъ, какъ ей должно быть грустно среди счастливыхъ, улыбающихся лицъ...

Мальчикъ украдкой взглянулъ на своего ангела. Его губы были полуоткрыты: вотъ-вотъ онъ скажетъ ликующее, торжественное слово.

Кто-то стукнулъ въ дверь. Шурикъ, вздрогнувъ всемъ тѣломъ, обернулся, оставилъ хороводъ и быстрымъ движеніемъ ринулся къ двери. Онъ увидалъ статнаго, высокаго штабсъ-капитана съ густыми каштановыми волосами, съ просѣдью на вискахъ... "Папа!.. Папа!.." Сзади себя онъ услышалъ крикъ матери. Татьяна Владиміровна безъ чувствъ откинулась на подушку. Черезъ нѣсколько минутъ, съ помощью доктора приведенная въ чувство, она обмѣнивалась безконечно-счастливыми взглядами съ мужемъ, сидѣвшимъ у нея въ ногахъ, на кровати. По ея блѣднымъ щекамъ струились невольныя слезы и она шептала: "Не знаю живу я, или сплю".

Шурикъ, молча покрывавшій поцѣлуями загрубѣвшую, сильную руку отца, вдругъ горячо, взволнованно заговорилъ: "Мама, мама! ты знаешь, это — ангелъ, да это ангелъ, котораго ты вышила, вернулъ намъ папу. Когда ты заболѣла, и я не зналъ что дѣлать, я просилъ у него, чтобы онъ помогъ мнѣ найти доктора, и я встрѣтилъ добрую Лидію Александровну. Потомъ... я молился ему о папѣ, и ты видишь, — онъ услышалъ меня".

Татьяна Владиміровна, прижимая къ груди темнокудрую головку сына, говорила: "Глупый, мой глупый, мой маленькій. Не вышитый мною шелковый ангелъ исполнилъ твою просьбу, а Господь, Который слышитъ каждое біеніе твоего дѣтскаго, чуткаго сердца, Тотъ Который сошелъ съ неба, чтобы спасти насъ, бѣдныхъ, грѣшныхъ людей. Онъ Пришелъ къ намъ въ тихую, торжественную Рождественскую ночь...

М. В.

Чтенія благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

КЛАДБИЩЕ.

Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія посѣтилъ я то живописное село, въ которомъ я родился. Давно — давно принадлежитъ оно нашей фамиліи. Тамъ — величественное кладбище, осѣняемое вѣковыми древами. Подъ широкими развѣсами деревъ лежатъ прахи тѣхъ, которые ихъ насадили. Я пришелъ на кладбище. Раздались надъ могилами пѣсни плачевныя, пѣсни утѣшительныя священной панихиды. Вѣтеръ ходилъ по вершинамъ деревъ; шумѣли ихъ листья; шумъ этотъ сливался съ голосами поющихъ священнослужителей.

Услышалъ я имена почившихъ — живыхъ для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьевъ и сестеръ, моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ отшедшихъ. Какое уединеніе на кладбищѣ! какая чудная, священная тишина! сколько воспоминаній! какая странная, многолѣтняя жизнь! Я внималъ вдохновеннымъ, божественнымъ пѣснопѣніямъ панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потомъ оно начало облегчаться постепенно. Къ окончанію панихиды тихое утѣшеніе замѣнило собою глубокую печаль; церковныя молитвы растворили живое воспоминаніе о умершихъ духовнымъ услажденіемъ. Онѣ возвѣщали воскресеніе, ожидающее умершихъ! онѣ возвѣщали жизнь ихъ, привлекали къ этой жизни блаженство.

Могилы праотцевъ моихъ ограждены кругомъ вѣковыхъ деревъ. Широко раскинувшіяся вѣтви образовали сѣнь надъ могилами: подъ сѣнію покоится многочисленное семейство. Лежатъ тутъ прахи многихъ поколѣній. Земля. земля! смѣняются на поверхности твоей поколѣнія человѣческія, какъ на деревьяхъ листья. Мило зеленѣютъ, утѣшительно, невинно шумятъ эти листочки, приводимые въ движеніе тихимъ дыханіемъ весенняго вѣтра. Придетъ на нихъ осень: они пожелтѣютъ, спадутъ съ деревъ на могилы, истлѣютъ на нихъ. При наступленіи весны другіе листочки будутъ красоваться на вѣтвяхъ, и также — только въ теченіи краткой чреды своей, также увянутъ, исчезнутъ.

Что наша жизнь? Почти то-же, что жизнь листка на деревѣ!

20 мая 1844 года. Село Покровское, Вологодской губерніи.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ВѢЧНОСТИ.

(Дума на могилѣ).

Въ сумракъ тихаго лѣтняго вечера стоялъ я, задумчивый и одинокій, на могилѣ моего друга. Въ тотъ день совершено было поминовеніе о немъ; въ тотъ день семейство его долго оставалось на могилѣ. Почти не слышно было словъ между присутствовавшими: слышны были одни рыданія. Рыданія прерывались глубокимъ молчаніемъ; молчаніе прерывалось рыданіями. И долго смѣнялись рыданія молчаніемъ, молчаніе рыданіями.

Стоялъ я, задумчивый и одинокій, на могилѣ; стоялъ осѣненный впечатлѣніями дня. Внезапно овладѣло мною неожиданное, чудное вдохновеніе, Какъ будто услышалъ я голосъ почившаго! — Загробную рѣчь его, таинственную бесѣду, чудную проповѣдь, какою изобразилась она въ душѣ моей, спѣшу начертать трепещущею рукою.

«Отецъ мой! мать моя! супруга моя! сестры мои! Въ черныхъ одеждахъ, облеченные въ глубокую печаль и тѣломъ и душею, стеклись вы къ моей одинокой могилѣ, — съ поникшими главами, окружили ее. Безмолвно, одними помышленіями и чувствованіями, вы бесѣдуете съ безмолвствующимъ жителемъ гроба. Сердца ваши — фіалы неисцѣльной грусти. Потоки слезъ льются изъ очей вашихъ; вслѣдъ за потоками пролившимися раждаются новые слезные потоки: печали нѣтъ дна, слезамъ нѣтъ конца».

«Младенцы — дѣти мои! и вы здѣсь у камня могильнаго, у камня надгробнаго! И на вашихъ глазкахъ навернулись слезки, а сердце ваше не знаетъ, о чемъ плачутъ очи, подражающія очамъ отца моего, очамъ моей матери. Вы любуетесь камнемъ надгробнымъ, камнемъ свѣтящимся, гранитомъ зеркальнымъ; вы любуетесь надписью изъ буквъ золотыхъ; а они — этотъ гранитъ и эта надпись — провозвѣстники вашего ранняго сиротства».

«Отецъ мой! мать моя! супруга моя! родные и друзья мои? что стоите вы такъ долго надъ моей могилой, надъ хладнымъ камнемъ, хладно стоящемъ на стражѣ гробовой? Давно уже охладѣло мое бездыханное тѣло; по приговору всемогущаго Творца оно возвращается въ свою землю, разсыпается въ прахъ. Какія тяжкія думы обьемлютъ васъ, удерживаютъ на могилѣ моей?... Служители алтаря принесли у ней молитву о упокоеніи моемъ, возгласили мнѣ вѣчную память въ спасающемъ и упокоевающемъ меня Богѣ. Они отошли отъ могилы безмолвной: уйдите и вы. Вамъ нуженъ покой послѣ подвиговъ души и тѣла, измученныхъ, истерзанныхъ скорбію».

«Вы нейдете!... вы здѣсь!... вы приковались къ мѣсту моего погребенія! Въ молчаніи, сказывающемъ болѣе, нежели сколько можетъ сказать самое пышное краснорѣчіе, — съ душею, для которой нѣтъ объясненія, — съ сердцемъ, въ которомъ обиліемъ чувствъ по-

гнощается опредѣленность чувствъ, вы не отступайте отъ могилы, запечатлѣнной на многіе вѣки, отъ камня — памятника безчувственнаго. Что надо вамъ?... Не ожидаете ли вы изъ-подъ камня, изъ нѣдръ могилы мрачной, моего голоса?»

«Нѣтъ этого голоса! Вѣщаю однимъ молчаніемъ. Молчаніе, тишина нерушимая — достояніе кладбища до самой трубы воскресенія. Прахи мертвецовъ говорятъ безъ звуковъ, въ которыхъ нуждается слово земное: тлѣніемъ осуществленнымъ они возглашаютъ громкую проповѣдь, убѣдительнѣйшее увѣщаніе къ мятущимся, шумящимъ на земной поверхности искателямъ тлѣнія».

«И есть еще у меня голосъ! И говорю съ вами, и отвѣчаю на ваши неизъяснимыя думы, на ваши непроизнесенные и невыразимые вопросы. Послушайте меня! Отличите мой голосъ въ общемъ голосѣ, которымъ говоритъ вѣчность ко времени! — Голосъ вѣчности одинъ, — неизмѣняемъ, непреложенъ. Въ ней нѣтъ непостоянства, перемѣнчивости: въ ней день — одинъ, сердце — одно, мысль — одна. Соединяющій все во едино — Христосъ. Оттуда голосъ — одинъ».

«Въ этомъ голосѣ, которымъ говоритъ вѣчность, въ этомъ голосѣ безмолвномъ и вмѣстѣ подобномъ грому, отличите мой голосъ! Неужели вы, родные мои, не узнаете моего голоса? Мой голосъ въ общемъ, единомъ голосѣ вѣчности, имѣетъ свой отдѣльный звукъ, какъ голосъ струны въ общемъ аккордѣ многострунного фортопіано».

«Вѣщалъ всѣмъ намъ голосъ вѣчности, вѣщалъ съ временъ явленія нашего въ бытіе. Вѣщалъ онъ намъ, когда мы были еще неспособны внимать ему; вѣщалъ онъ намъ и въ зрѣломъ возрастѣ нашемъ, когда мы уже могли и должны были внимать ему, понимать его. Голосъ вѣчности!... увы!... мало прислушивающихся къ тебѣ въ шумной земной гостиницѣ! То препятствуетъ внимать тебѣ младенчество наше; то препятствуютъ внимать тебѣ заботы, развлеченія житейскія. Но ты не умолкаешь. Говоришь, говоришь, — и, наконецъ, чрезъ грознаго посланника — смерть, требуешь и внимательнаго, и невнимательнаго слушателя къ отчету во вниманіи и послушаніи великимъ глаголамъ вѣчности».

«Чтобы голосъ вѣчности имѣлъ для васъ особенный отголосокъ, особенно способный проникать въ наше сердце, привлекать къ слову спасенія умъ вашъ, — Богъ причислилъ меня къ говорящимъ изъ вѣчности. Мой голосъ слился въ стройное согласіе съ общимъ голосомъ обширнаго невидимаго міра. Для всѣхъ странниковъ земли я — мертвъ, безгласенъ, какъ и всѣ мертвецы, но для васъ я — живъ, и, мертвый, говорю слово спасенія открытѣе, сильнѣе, нежели какъ сказалъ бы его, оставаясь между вами и гоняясь вмѣстѣ съ вами за призраками благъ, которыми тлѣніе обманываетъ и губитъ изгнанниковъ изъ рая, помѣщаемыхъ на короткое время

въ земной гостинницѣ для примиренія съ прогнѣваннымъ ими Богомъ».

«Богъ — милостивъ, милостивъ безконечно. Еслибъ было нужнымъ и полезнымъ, — внезапно изъ тьмы могильной, изъ-подъ тяжкаго камня отозвался бы я вамъ!... Небо признало частный голосъ изъ вѣчности излишнимъ... И какой голосъ изъ вѣчности уже нелишній, когда Богъ благоволилъ, чтобъ не только равноангельные человѣки, но Самъ Единородный Сынъ Его возвѣстилъ вселенной волю Его, возвѣстилъ святые и строгіе уставы — блаженной для послушныхъ, страшной для непокорныхъ — вѣчности? **Имутъ Моисея и пророки, да послушаютъ ихъ** (Лук. XVI, 29, 31), отвѣтъ былъ Неба просившему голоса умершихъ для проповѣди живущимъ на землѣ плотскою жизнію, умерщвленнымъ душевною вѣчною смертію. **Аще Моисея и пророки не послушаютъ, и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры»** (Лук. XVI, 29, 31).

«Товарищъ мой — мертвецъ, но еще съ живымъ словомъ въ устахъ! Прими отъ меня порученіе и исполни его.

Вотъ отецъ мой! вотъ мать моя! вотъ супруга моя! вотъ родные мои! не могу говорить съ ними иначе, какъ общимъ голосомъ вѣчности. Въ этомъ голосѣ они слышатъ звукъ и моего голоса... да, они слышатъ его!... но нѣтъ у меня отдѣльнаго, частнаго, моего слова... Товарищъ мой! будь моимъ словомъ; изъ общей нашей сокровищницы, изъ священной вѣчности, скажи имъ за меня краткое, нужнѣйшее для нихъ слово: «Земная жизнь — мгновенное обманчивое сновидѣніе. Вѣчность — неизбѣжна. Есть и бѣдственная вѣчность!... Стяжите-жъ вѣчность блаженную вниманіемъ, повиновеніемъ всесвятому закону всесвятаго Бога, — и приходите ко мнѣ на вѣрное, некончающееся наслажденіе, каждый въ свое, самимъ и единымъ Богомъ назначенное время!»

1848 года, Сергіева Пустыня. Дума написана на кончину, К. Ѳ. О-на, бывшаго съ юныхъ лѣтъ въ близкихъ отношеніяхъ съ архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ.

GTU Library
3 2400 00717 8118

7 Day
Circ

GTU Library
2400 Ridge Road
Berkeley, CA 94709
For renewals call (510) 649-2500

All items are subject to recall.